

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДМИТРИЙ САМОХИН

ВИШНЕВЫЙ
САМУРАЙ

Петропольский цикл

Дмитрий Самохин

Вишневый самурай

«Автор»

2005

Самохин Д.

Вишневый самурай / Д. Самохин — «Автор»,
2005 — (Петропольский цикл)

Вишневый самурай – кровавая легенда, прошедшая через столетия, или призрак, вернувшийся с того света, чтобы отомстить. На берегах погруженного в воды Невы сиятельного Санкт-Петрополиса кровь течет рекой на алтарь алчности и порока. Частному детективу и пивовару Дагу Туровскому и его напарнику Гонзе Кубинцу предстоит принять огонь на себя. Они должны вычистить город от скверны и остановить вакханалию смерти. В их руках вновь оказалась судьба Северной Пальмиры.

© Самохин Д., 2005

© Автор, 2005

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	12
ГЛАВА 4	16
ГЛАВА 5	19
ГЛАВА 6	22
ГЛАВА 7	26
ГЛАВА 8	30
ГЛАВА 9	33
ГЛАВА 10	36
ГЛАВА 11	39
ГЛАВА 12	43
ГЛАВА 13	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дмитрий Самохин

Вишневый самурай

Эта книга посвящается тем людям, без которых она никогда не появилась бы на свет: Арчибальду Гудвину и Ниро Вульффу, Эрклою Пуаро и капитану Гастингсу, Филиппу Марлоу, Гаррету и Покойнику, инспектору Глебски и Симону Симоне.

*И всплыл Петрополь, как тритон
По пояс в воду погружен...*

А. С. Пушкин

*Тайны и друзьям поверять нельзя,
Ибо у друзей тоже есть друзья.
Старательно тайны свои береги,
Сболтнешь – и тебя одолеют враги.*

Саади

ГЛАВА 1

Жара навалилась на город, словно сумоистка на невинного юношу-аристократа, попыталась подмять под себя, но запуталась в собственном кимоно, выругалась грязно и осталась лежать, сдавливая грудную клетку, скрадывая дыхание. Шкала термометра замерзла возле деления «плюс тридцать восемь градусов» и не желала двигаться вниз. Изредка подпрыгивала на одно-два деления, но неизменно возвращалась к прежнему уровню.

Я долго искал самое прохладное помещение в нашем доме – скромном особняке, расположенном на канале Беринга под номером двадцать семь, но так и не смог найти. Испрашивал совета у мужественных рыцарей времен Древнего Рима, что украшали фронтон особняка, подерживали балкон и герб семейства Ростопчиных (прежних владельцев здания), но они остались безучастны к моим страданиям. В конце концов не нашел ничего лучшего, как залезть на дно ванны, наполнив ее предварительно прохладной водой. Истома блаженства разлилась по моему телу. Я наслаждался прохладой, вбирал ее разгоряченным телом и не помышлял ни о чем другом на ближайшие полчаса.

Дотянувшись до глянцевого журнала, оставленного на диванчике недалеко от ванны, я развернул его и стал разглядывать красочные фотографии яхт, не вдумываясь в буквы, которые так и норовили сложиться в слова, полные глубинного смысла. Журнал назывался «Яхтинг мэгэзин» и был посвящен яхтам, морю и всему, что с ними связано.

Последние несколько дней мною владела идефикс: я вздумал купить яхту и заняться парусным спортом. Мой напарник и совладелец частного детективного агентства «Квадро» Гонза Кубинец не одобрял моей болезни, хмуро косился, но не вмешивался, наивно полагая, «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось».

Последнее дело, за которое мы взялись, было связано с таинственным исчезновением известного бизнесмена – одного из тех, кто скромно называл себя «акулой» и мог запросто слопать любого конкурента не поперхнувшись. К нам обратился его компаньон, положив за поимку исчезнувшего друга изрядную сумму.

В это время детективное агентство «Квадро» в лице Гонзы Кубинца и моем переживало острый финансовый кризис, связанный с покупкой особняка генерала Ростопчина, убитого собственной женой. Особняк мы использовали как офис агентства, а также для личного про-

живания. В подвале здания я разместил еще и свой мини-заводик по производству пива, с которым ранее уютился в отдельно арендуемом помещении. (Пивоварение – моя слабость!)

Мы взялись за дело, несмотря на дурные предчувствия и жгучую неприязнь, которую вызвал у меня клиент. События разворачивались быстро, засасывая нас все глубже и глубже в водоворот грандиозного заговора, направленного на гибель Санкт-Петербурга – величественного творения Петра Великого. С божьей помощью благодаря собственной смекалке дело мы распутали, получив в итоге гонорар из рук не кого-то там, а самого императора всея Руси Петра IV! Наш клиент к тому времени благополучно нашел свою смерть. Трагическая история!..

Да, дело оказалось трудным, но в итоге мы стали кавалерами ордена Александра Невского на красной ленте с бриллиантами и получили чек на сумму сто тысяч рублей. Сумма – ошеломительная! На эти деньги я мог бы целый год лентяйничать, попивая пиво и не забывая его варить! Но, поимев бабки, тут же заразился идеей грандиозной покупки, достойной гонорара. В процессе увлекательного поиска объекта (признаться честно, я подумывал о недвижимости – хотел было заделаться рантье) на глаза мне попался журнал, посвященный парусному спорту, и мысль обзавестись яхтой прочно засела в мозгу.

Гонза Кубинец не догадывался о моих планах, пока случайно я не завел при нем разговор о яхтах. Прослушав лекцию под общим названием «Яхта – глазами начинающего яхтсмена – в доступной форме, для чайников», он осторожно осведомился о моих намерениях. Говорил настолько ласково, что я, не почуяв подвоха, радостно поделился с ним сокровенным. А он, двуличный, воспринял блестящую идею в штыки!

– Зачем нужна яхта, если есть катер? – тупо вопрошал Кубинец.

Я с пеной у рта доказывал:

– Катер – это средство передвижения, а яхта – источник удовольствия!..

Гонзу переубедить не удалось... Мало того, узнав, сколько стоит самая дешевая яхта вместе с местом парковки в яхт-клубе на Финском заливе, Кубинец гомерически расхохотался и посоветовал мне обратиться к психиатру, пообещав попутно, что если я еще раз заведу разговор о яхтах и «подобной дребедени», то он позвонит нашему адвокату Евгению Постегайло и через суд установит мою невменяемость с целью взять надо мной опеку.

– О яхтах я более не распространялся, но из мести подписался на журнал «Яхтинг мэгэзин», в информационной сети добыл и распечатал десять красочных фотографий с изображением различных посуды, которые развешал по всему дому, постаравшись подобрать для них самые посещаемые Гонзой комнаты.

Следующим этапом психологической обработки напарника стала покупка картины. Посетив Галерею современного искусства на Невском канале, что располагалась под открытым небом на пяточке суши перед армяно-григорианским храмом, я обзавелся трехметровым полотном, на котором талантливый, хотя и никому не известный художник изобразил прекрасную яхту под алыми парусами, скользящую к багровому закату. Произведение, название которого я даже не удосужился узнать, идеально вписалось в интерьер гостевого кабинета на первом этаже.

Гонза Кубинец покорно сносил мой деятельный протест: хмурился, но молчал, старательно избегая смотреть на яхты, точно они были прокаженными. В доме на целую неделю установилось военное положение. Речь не шла о кровопролитии, однако информационное противостояние постоянно усиливалось.

В противовес моей идее Гонза Кубинец выставил свою. Он решительно потребовал найти домашнего повара, о чем мы давно условились, но так и не занялись этим вопросом. Я пообещал подумать. Разговор происходил за привычным, вошедшим в обыкновение ужином, состоявшим из макарон трехдневной давности, разогретых Гонзой на сковородке, которая вот уже третий месяц отчаянно молила кухонного бога о банном дне, и сосисок, обильно запиваемых пивом.

Вечером, уединившись в спальнной комнате, я взял лист бумаги и произвел нехитрые подсчеты: суммировал деньги, затраченные на заказ ужинов и обедов из ресторана «Эсхил – ХР» за последний месяц, и углубился в электронные объявления, связанные с наймом поварского персонала для кафе и ресторанов. По всему выходило, что платить повару дороже, чем регулярно пользоваться ресторанной кухней, но ненамного. Впрочем, я еще не учел стоимость продуктов...

Проведя ночь в серьезных раздумьях, поутру я показал расчеты Гонзе Кубинцу и сообщил, что нанять кулинара – реально, только не каждый согласится вкалывать с утра до ночи на частный дом практически без выходных и без нормального распорядка. Отсюда неопровержимо следовало: нам надо искать талантливого молодого повара, возможно, только что покинувшего стены учебного заведения, желательного иногороднего, поскольку он должен будет проживать в нашем особняке – «для наибольшей эффективности работы» (выражение Кубинца).

Гонза тоже решил все обдумать и взял двухдневный тайм-аут...

Второй день подходил к концу, когда я с журналом, посвященным парусному спорту, пытаюсь спрятаться от жары, забрался в прохладную воду просторной ванны.

Но полежать мне не удалось. Только я раскрыл журнал, дверь в ванную распахнулась и вошел Гонза Кубинец – решительный и грозный, словно Иван Террибл, удумавший захватить Казань.

Я громко простонал, картинно закатывая глаза.

– Что? Не ожидал, Даг? – спросил Гонза, сурово складывая на груди руки крестом.

Опять издав протяжный стон, я погрузился с головой в воду. Прохлада целиком заключила меня в саркофаг наслаждения, но раствориться в кайфе не удалось: Гонза за волосы выдернул мою голову на поверхность.

– Не смей уходить от разговора! – потребовал он.

– Я и не уйду. Так – расслабляюсь... – попытался оправдаться я, делая виноватое лицо. – Что за наказание такое? Только собрался отдохнуть, журнальчик полистать...

Я нагло ткнул огромной фотографией белоснежной яхты с разворота журнала в физиономию Кубинца. Гонза скривился, словно все зубы в его пасти одновременно запиликали мозгу сигнал SOS.

– ... так тут ты приперся!.. Ну скажи, могу я хоть десять минут от тебя отдохнуть?

– Ты уже пять минут торчишь в ванной! – взглянув на часы, сообщил Кубинец.

– Считаешь, что этого достаточно? – удивился я.

– Пока не решим вопрос с поваром, отдыхать тебе не придется! – пригрозил Гонза.

– В таком случае, пока я не куплю нам яхту, забудь о покое! Вендетта! – отчеканил я.

– Так... Опять яхта... – констатировал Кубинец и с ужасно задумчивым видом забормotal: – Где же я записал рабочий номер Женьки Постегайло?.. – Громко так, чтобы я слышал.

– Все... Все... Сдаюсь... Не хочу, чтобы мне меняли памперсы. Привык все делать сам! –

Я примирительно поднял руки вверх и пошел ко дну.

Гонза Кубинец выловил меня за волосы вторично и проворчал:

– Не заставляй делать тебе искусственное дыхание!

– Упаси боже! – Я притворно ужаснулся и сделал третью попытку утонуть. Но мне не дали.

– Я узнал стоимость услуг консалтингового агентства! – сообщил Гонза.

– Чьих... услуг? – простонал я.

– Все. Совершаю преступление! – Кубинец потянул руки к моей шее.

– Сдаюсь! – капитулировал я. – Только разъясни все-таки, что это за агентство и с каким хреном его едят?

– Агентство по подбору персонала.

– И через него мы найдем повара? Гениально! – согласился я. – Обращайся в свое агентство, а мне дай помечтать о яхтах... Кстати, ты в курсе, что только в Российской империи проводится до пятнадцати парусных гонок? Между прочим, если выиграть первое место в регате, то можно окупить постройку и функционирование целого яхт-клуба!

– Ты опять?! – Кубинец грозно сдвинул брови.

– Я снова! – сурово возразил я. – Ты занимайся поваром, а я найду деньги для покупки яхты. Деньги, которые не входят в бюджет нашего агентства!

– Тебе не наварить столько пива! – скептически заметил Кубинец.

– Я продам рецептуру сортов. Эксклюзивных!

– И они перестанут быть эксклюзивом.

Я задумался. Кубинец был прав. Продажа рецептуры – не выход... Значит, нужно найти лопоухого клиента с пустяковым делом, чтобы, не прибегая к помощи Гонзы Кубинца, выполнить заказ, получить гонорар и вложить его в яхту!

Гонза оставил меня в долгожданном одиночестве, видно, пошел звонить в свое агентство. А я, испытав облегчение, которое испытывает любой человек, нашедший наконец возможность удовлетворить свою прихоть, вернулся к разглядыванию журнала. И теперь красавицы яхты я расценивал с точки зрения потенциального покупателя, причмокивая языком и примеряя себя к их палубам.

ГЛАВА 2

Утро следующего дня не принесло ожидаемой прохлады. Было душно. Распахнутые окна не спасали от знойного дыхания июля. Солнечные лучи простреливали комнату насквозь, не оставляя надежд на спасение.

Я проснулся на два часа раньше обычного. Глаза слепило солнце, потное тело мечтало о прохладной воде...

Выбравшись из постели, голышом прошлепал в ванную, заткнул пробкой слив и включил чуть теплую воду. Словно сомнамбула на прогулке под лунным светом, я покачивался, сидя на краю ванны, и пытался проснуться. Когда ванна наполнилась настолько, чтобы скрыть меня полностью, я нырнул в воду с головой.

Сон сняло в мгновение ока – точно продернуло электричеством мертвое тело, заставляя биться сердце. И тут же я понял, что дольше так мучиться нельзя. Нужно срочно заказать для дома систему центрального климатизатора! Кондиционер для всего дома, проще говоря...

Выбравшись из ванны, я надел легкие летние брюки, рубашку с коротким рукавом и покинул спальню. Спустившись в гостевой кабинет, подцепил с журнального столика справочник «Желтые страницы» и стал лихорадочно пролистывать его в поисках необходимой фирмы.

Жара возвращалась в тело...

Фирм, предоставлявших услуги по установке кондиционеров, было множество. В длинном списке я выбрал понравившееся название – «Арктика – СП» – и позвонил. Оформить заказ оказалось несложно. Мне пообещали, что сегодня же приедут специалисты, и я повесил трубку. Сумма за услуги, названная диспетчером, устроила меня полностью.

Завтракать дома было нечем. Я расчехлил «Икар» – скоростной катер, стоявший у домашнего причала, – и покинул дом, тщательно заперев за собой входную дверь.

Первую остановку наметил на Галерном канале. Тормознул возле яркой вывески, изображавшей в полный рост японца в традиционном костюме с зажатым в зубах цветком сакуры и двуручным мечом, поднятым над головой. Вывеска гласила: «Вишневый самурай».

Последнее время я полюбил это заведение. Стал часто здесь бывать, позабыв родной «Эсхил – ХР». Даже договорился с хозяином «Самурая» – почтенным Троем Епифановым – о поставках моего пива в бар. Трью Епифанову предложение понравилось. Мы подписали договор, и я отгрузил первые две бочки, получив за них звонкую монету.

Оставив катер у причала, я сбежал по трапу, толкнул входную дверь и очутился в... Японии! Маленькой, карманной Японии, каким-то чудом оказавшейся на берегах Санкт-Петербурга.

Пятнадцать столиков из сорока были заняты. Я устроился за свободным и приступил к изучению меню, не без гордости отметив, что «Туровское Золотое» включено в карту напитков.

Официант подошел, как всегда, вовремя. Таинственный у них талант – возникать именно в тот момент, когда ты готов озвучить заказ... Я попросил кружку горячего кофе со сливками. (Не чашечку и даже не чашку, а именно кружку! Не привык мерить жизнь полумерами!) Плюс пиццу «Лазанья Болоньез» – со свиной, сыром, копченым мясом, чесноком и океаном пряностей...

Девяносто процентов наименований в меню подразумевало японское происхождение. Всякие там суши и просто полусырая рыба... Но я не питаю особой любви к рыбным блюдам, поэтому и ишу для себя нечто иное. К своей радости, еще в первое посещение я обнаружил в меню несколько видов пицц. Нет ничего лучше, чем позавтракать свежеспеченной пиццей!

Ждать заказа пришлось двадцать минут. Это время я посвятил изучению журнала «Яхтинг мэгэзин», который прихватил с собой.

Яхты манили меня!.. Я мечтал выйти в Финский залив, пробиваемый всеми ветрами, под белыми парусами!..

В сущности, конечно, Гонза прав: покупка яхты – блажь, засевшая в моей голове, точно вирус... Но ничего не могу с собой поделаться! Сейчас же, немедленно отправлюсь в яхт-клуб и полюбуюсь на красавиц, выставленных на торги!..

Пищцу, заботливо растерзанную на куски, поставили передо мной. Рядом дымилась кружка с кофе. Она была настолько большая, что мне невольно вспомнился Кубок Большого Орла, подававшийся на ассамблеях Петром Великим тем, кто проштрафился. Сделав три глубоких глотка, я почувствовал, как бодрость излилась в тело. Я получил заряд жизни! Теперь можно было насладиться и пищей...

Потратив на завтрак где-то около часа (включая ожидание заказа), я покинул «Вишневый самурай», так и не встретив Троя Епифанова. Если честно, разговаривать с кем-то о чем угодно, кроме яхт, мне в это утро не хотелось!..

Яхт-клуб «Флибустьер» располагался на Васильевском острове возле Морского вокзала. Я вышел в Финский залив и стал огибать Васильевский остров, приближаясь к цели. Клуб вычислил издали – по разнокалиберным парусам, полоскавшимся на холодном балтийском ветру. Вот где скрываться от жары в это время надо! Не кондиционеры по дому развешивать, а на яхту – и в море!.. Я испытывал натуральное ликование!

Войдя в тихую гавань, нашел взглядом здание яхт-клуба, пригасил скорость и направил катер к причалу. Заняв пустующую ячейку, включил сигнализацию и отправился к зданию.

Фронтон двухэтажного строения, вытянутого в длину, украшал пиратский флаг «Веселый Роджер». Возле дома, закрывая два этажа, красовалась фигура пирата с крюком вместо руки, перевязанным черной повязкой со скрещенными костями глазом и саблей, воздетой над головой.

Я поднялся по шербатым каменным ступенькам на второй этаж и оказался в извилистом темном коридоре, воздух которого был настолько спертым, словно помещение не проветривалось с празднования юбилея города.

Я тут же покрылся потом. Рубашка намочила и прилипла к телу. Вытащив из брюк носовой платок, утер лицо, но это помогло мало. Коридорные духота и жара немедленно вызвали головокружение, грозя отключить сознание.

Кабинет менеджера клуба нашел с трудом. В потемках пробирался по коридору... Воздуха не хватало... Стучался в каждую дверь, но везде было заперто...

«Бот тебе и чудесное начало нового дня!» – подумал я, хватаясь за ручку последней двери, точно за спасательный круг. Ручка неожиданно легко ушла вниз, и я попал в ярко освещенную комнату, в которой царил спасительный ветер. Я жадно заглотнул ртом свежий воздух и прислонился к дверному косяку, пытаюсь отдышаться.

– Могу быть чем-то полезен? – поинтересовался бодрый мальчишеский голос.

Глаза постепенно привыкли к свету, временно ослепившему меня после коридорной темноты. Комната, в которой я оказался, была стандартным офисным кабинетом – одним из тех безликих помещений, что во множестве расплодилось в бизнес-центрах. Два шкафа с ровными рядами пухлых папок, пронумерованных и озаглавленных, немой музыкальный центр, подмигивавший мне эквалайзерами, полупустая стойка для компакт-дисков и тьма книжных корешков на полках. То ли настоящие книги, то ли муляжи?..

За компьютерным столом, уставленным офисной техникой, восседал седовласый мужчина с лицом, усеянным веснушками (точно по нему прошлишь мелкой дробью) и вислыми рыжими усами с обкусанными кончиками. По бокам стола стояли два работавших вентилятора на метровых ножках.

– Вам что-то нужно? – изменил вопрос менеджер.

– Вы знаете, подумываю купить яхту, – сообщил я. – Но пока не решаюсь. Вот и заехал к вам – поговорить, что называется, с профессионалом.

– Присаживайтесь. Вы сделали правильный выбор, заглянув к нам! – бодро воскликнул менеджер, излучая радушие. Он привстал из кресла и провалился внезапно под стол – словно у него под ногами разверзся люк.

Заинтригованный до крайности, я попытался увидеть, куда исчез добродушный управляющий клубом, но увидел лишь широкую спину, обтянутую тонкой голубой рубашкой.

Присел в гостевое кресло и стал ждать возвращения вислоусого.

– Вы, надеюсь, понимаете... простите, не знаю, как вас величать? – раздалось из-под стола.

– Даг Туровский, – представился я.

– Так вот, вы надеюсь, понимаете, что яхтинг – это спорт богатых людей? – поинтересовался менеджер, появляясь из-под стола. Он вывалил передо мной аляповато раскрашенные каталоги, которые, не уместившись, попадали на пол. Пришлось наклониться, чтобы их поднять.

– Безусловно, мне это известно, – приторно вежливо ответил я, хотя вислоусый стал меня раздражать.

– В таком случае, давайте полистаем каталоги. Я расскажу вам вкратце о яхтинге: что это, как говорится, за рыба и с чем ее едят!

Менеджер резко перегнулся через стол, обнажив в улыбке ровный ряд белых зубов.

«Какой-то он слащавый весь... Неестественный...» – подумал я и взглянул на табличку с именем, что стояла на столе.

«ИННОКЕНТИЙ ВОЛОКИТОВ» – значилось на ней.

ГЛАВА 3

Иннокентий Волокитов оказался предельно приторным типом! Настолько, что появилось ощущение, будто тебя – голого и мокрого – валяют в блюде с сахаром...

Он обстоятельно, углубляясь в детали и излишние подробности, поведал мне о яхтинге. Его рассказ походил на невидимую паутину, неожиданно попав в которую не выпутаться никогда! Любое движение лишь еще больше запутывает жертву, убивая последнюю надежду на спасение... Он – паук! Он – распространитель вируса, который, проникнув в кровь, тут же доказывает свою смертельность!

Покончив с каталогами и предварительными расценками, Волокитов увлек меня на улицу, чтобы показать выставленные на продажу яхты. Целый час мы прогуливались по пирсу вдоль стоявших на приколе красавиц. Я чувствовал себя пресыщенным жизнью господином, которому прожженный сутенер пытается всучить одну из своих девочек, дабы клиент не ушел к конкурентам. Но я настолько истомился от жары и жалящих лучей солнца, скрыться от которых было невозможно, что слушал Волокитова рассеянно. Я пропустил большую часть информации мимо ушей, ничего не удержав в памяти. Меня куда больше волновало, когда же закончится эта пытка!..

В офисе я испытал счастье новорожденного, который, наконец-то вырвавшись из клетки материнской утробы, опьянел от холодного свежего воздуха!.. Еще минут пять мы говорили на отвлеченные темы – исключительно ради приличия: Волокитову было неудобно показать мне на дверь. А я никак не мог решиться на новое путешествие по коридору. От одной мысли, что мне придется пробираться по этой пустыне Сахаре, из которой напрочь откачан весь воздух, меня бросало в дрожь!.. Все же я выскользнул за дверь кабинета, клятвенно пообещав Волокитову вернуться, и со скоростью марафонского спринтера метнулся по коридору, повторяя его повороты и изгибы.

Пробегая мимо одной из запертых дверей, я случайно услышал голоса, которые заставили меня остановиться. Чертово врожденное любопытство! Ну какая мне разница, о чем беседуют на досуге члены яхт-клуба?.. Однако совладать с собой я не смог. Прильнув к двери, обратился в гигантское ухо, позабыв напрочь о том, что меня могут застукать за этим постыдным занятием.

– Стоимость. Меня волнует только стоимость... И покупатель... – раздался мужской голос, насквозь пропитанный утонченным равнодушием. Этаким лондонский джентльмен, размышляющий за бокалом бренди о достоинствах арабских жеребцов!..

– Стоимость?! – голос второго человека был прямой противоположностью. Эмоциональный, кипящий, к тому же еще и женский. – Порядка миллиона рублей! Если перевести в английские фунты, примерно девять миллионов!

– Капитальная сумма. В России это продать невозможно. Слишком длинный и кровавый след... – заявил джентльмен.

– Значит, за кордон? – отреагировала дама. – Куда?

– Сотби... Гаучи... Орлов... Аукционов много. Отследить практически невозможно.

– И это плюс! – радостно воскликнула дама.

– Безусловно... – флегматично согласился джентльмен.

Я ожидал продолжения, но, как назло, собеседники посчитали, что тема исчерпана, и заговорили о предстоящей парусной регате, сравнивая перспективы отдельных ее участников. Дальше выносить эту «душиловку» я не мог. Мало заботясь о том, что меня могут услышать, я устремился на улицу.

Оказаться на родной палубе, втащить трап, откинуться на мягкие подушки кресел в рубке капитана роскошного «Икара» – это ли не наслаждение? Сущий рай после депрессивно-душного «Флибустьера»!..

Оживив мотор, я отыскал в бортовом компьютере опцию «Избранные маршруты» и, перейдя в обозначенное меню, выбрал собственноручно вбитый в память путь к дому. После чего растекся по креслу, словно яичница на дне сковородки.

Обратная дорога показалась мне слишком короткой. Так бы и лежал, нежась в струях свежего речного ветерка, вальсирующего сквозь открытые окна!.. Но всему хорошему обязательно приходит конец. Мозг катера возвестил о достижении конечной точки.

На причале возле нашего особняка было необычайнолюдно. Пять человек в рабочих костюмах голубой раскраски с эмблемой, изображавшей три остроконечные ледовые глыбы, под которыми красовалась надпись «Арктика», спускались по ступенькам к воде, оживленно о чем-то беседуя. Лица их – унылые и с легким оттенком агрессии – больше напоминали посмертные маски египетских фараонов, обкурившихся накануне кончины какой-то дури. На воде покачивался легкий подержанный катер с голубыми облупившимися полосами и надписями «Арктика» по бортам.

Покинув «Икар», я спустился на причал и направился навстречу униформистам.

– Добрый день, – приветствовал я их.

– И вам того же... – пробурчали они нечленораздельно, минуя меня.

– Что, отказали в гостеприимстве?

– Хозяева – больные! Заказами установку, а когда мы приехали, закатали скандал. Больные люди, одним словом! – объяснил самый молодой и сердитый из рабочих.

«УПС!» – как говорит французский рыбак каждый раз, когда вместо рыбешки вытаскивает гнилой башмак, Заказать кондиционер – я заказал. Деньги для рабочих оставил на столе в гостевом кабинете, придавив их бюваром. А предупредить Гонзу Кубинца о визите забыл!.. Что ж, это вполне в моем стиле. Представляю физиономию Кубинца, когда он открыл входную дверь и узрел на пороге толпу решительно настроенных небесно-костюмных мужчин, которые с порога накинулись на него, задавая множество вопросов, среди которых самым повторяемым был «куда ставить?», а на втором месте шло слово «деньги». У Гонзы Кубинца острая аллергия на все, что связано с тратой денег. Представляю, как он взбесился! Вероятно, принял их за торговых агентов и выставил за дверь...

– Прошу прощения, господа, но в этой ситуации виноват ваш покорный слуга, – признался я, утверждая на лице маску радушного хозяина и готовясь к резкой оценке своих умственных способностей.

Рабочие сдержались, хотя это и стоило им усилий.

– Мой компаньон несколько горяч. Я забыл его предупредить о вашем визите... Прошу! Пройдемте!

Я направился к дому. Взбежал по ступенькам и открыл дверь своим ключом. Рабочие боязливо последовали за мной, стараясь укрыться за моей спиной, словно за живым щитом.

Гонза Кубинец поджидал нас на пороге. Завидев рабочих, он грозно сдвинул брови к переносице, изображая буйно помешанного льва, зависшего на краю пропасти, и взревел:

– Как?! Они еще здесь?

– Гонза! – Я примирительно раскинул перед ним руки. – Это я заказал господам установку кондиционированной системы в доме. Пора нам расправиться с жарой!

Гонза в ответ не сказал ни слова. Окинул гневным взглядом меня и рабочих, развернулся и величественно удалился, всем видом своим выражая презрение ко мне и моим сумасбродным поступкам.

– Не обращайтесь на него внимания, – посоветовал я рабочим. – Господин Кубинец – весьма экстравагантная личность.

– Мы уже оценили, – ответил кто-то.

– В вашем распоряжении весь дом и уйма времени. Сделайте все, как надо!

Оставив рабочих в коридоре, я отправился за разбушевавшимся Кубинцем, который, укрывшись в гостевом кабинете, воссел за свой рабочий стол, отгородившись от всего мира картой Санкт-Петербурга. Изучение карты – занятие весьма занимательное, но делать при этом лицо ученого, оказавшегося на пороге грандиозного открытия, достойного Нобелевской премии, – нет уж, увольте!

– Зачем людей выгнал? – поинтересовался я, направляясь к своему рабочему столу.

– Почему не обговорил вопрос со мной? – буркнул Кубинец из-за карты, которую держал, как вчерашнюю газету.

– По-моему, куда лучше заказать установку, чем сходить все лето с ума от жары! – миролюбиво сообщил я.

– Резонно, – смягчаясь, согласился Кубинец. – Только впредь все важные вопросы не забывай согласовывать!

Он отложил карту на стол, но не очень аккуратно – она спорхнула на пол. Гонза как будто и не заметил этого: впился в меня гипнотическим взглядом индийского факира, точно узрел змею!

– Скажи, Даг, ты намерен дальше работать? Или предпочитаешь довольствоваться достигнутыми успехами? – поинтересовался Кубинец.

– Что ты имеешь в виду? – построил я детскую наивность.

– Пора браться за новое дело! Ты намерен что-нибудь предпринять в этом направлении?! – рявкнул Гонза.

– Что-то не вижу на нашем причале толпы жаждущих меня нанять!

– Толпы не толпы, но предложения есть... – попытался заинтересовать меня Гонза.

– Слушаю, – согласился я, поднимая бювар, под которым лежали деньги.

– Сегодня, пока ты мотался неизвестно где, к нам приходили двое в разное время и по разным вопросам. Первое предложенное дело – двойное убийство. Полиция отказалась от него, свела все на бытовуху, но отец одного из убитых не верит в подобный расклад, – сообщил Кубинец.

– Ты навел справки? – рассеянно спросил я, подняв со стола книгу, которую изучал предыдущие несколько дней. Она называлась «Пивоварение в древности», и написал ее неизвестный мне автор Иван Хмельнов – видно, не очень компетентный в освещаемом вопросе человек.

– Дело не стоит нашего внимания. Я связался с полицией. По всему видно, что их версия выдержит любую критику. Даже нашу. Я взял на себя ответственность и отказал отцу.

– Правильно, – согласился я, вяло листая книгу.

– Кстати, нового инспектора на место Крабова назначили...

Инспектор Крабов возглавлял отделение криминальной полиции Васильевского острова. Он не питал к нам нежных чувств, часто оказывался в дураках – долгое время не мог найти преступника, которого мы вычисляли в считанные дни. Нельзя сказать, что Крабов был нашим врагом, но и другом назвать его тоже язык не поворачивался. Наши отношения подходили под определение «вооруженный нейтралитет». Когда месяц назад инспектор Крабов погиб на задании, Гонза Кубинец даже всплакнул – так ему было жалко инспектора.

– И кого назначили? – заинтересовался я.

– Кого-то из москвичей. Сам перевелся. Григорий Самсоньевич Лесник. Личность туманная. Думаю, в скором времени мы с ним познакомимся, так сказать, поближе: он собрался нанести нам визит. Наслышан о нашей деятельности. Не знаю уж, что нам это даст.

– Занятно, – оценил я. – А что со вторым делом?

– Тоже не стоит и выеденного яйца. Пустышка. Старуха одна приходила. Вся в брильянтах. С личным шофером. Пахнет от нее – как от шубы, которую десять лет из шкафа не доставали...

– Чего хотела? – прервал я эмоциональную речь Кубинца.

– Чтобы ты нашел ее кошку, которая сбежала несколько дней назад из дома.

– Больная? – скептически скосил я бровь.

– Кошка объявлена ее единственной наследницей. Вот и волнуется бабуся за любимицу, Я вежливо отказался, после чего получил столько ругательств в свой адрес, что на ближайшее время мои запасники полны. Много чего нового узнал.

– Значит, ни одного подходящего дела нет, – резюмировал я.

– Нет. Но тенденция правильная. Я вернул книгу на стол и собрался было углубиться в чтение, но Гонза сообщил последнюю новость:

– Я обратился в агентство по подбору персонала. У них кое-что есть для нас. Завтра первых три кандидата на должность нашего повара нужно отсмотреть. Надеюсь, на ком-то из них мы и остановимся.

– Неистовый! – оценил я, не поднимая глаз от книги.

ГЛАВА 4

Целый день трудились рабочие, но систему установили. Кубинец фланировал мимо них со зловещей ухмылкой инквизитора, учуявшего поблизости молоденькую ведьму, и внимательно следил за их действиями – то ли опасаясь, что рабочие упрут что-либо из дома, то ли не доверяя их профессионализму.

Я заперся с книгой в гостевом кабинете и с упоением отдался чтению, не замечая грохота и гвалта, производимого рабочими. Удивился я лишь тому, что шум внезапно закончился. Взглянул на часы и обнаружил, что наступило время ужина, которого, впрочем, у нас не было. Решив, что сегодня можно сделать себе послабление и откусать пива с пищей, разогретой в микроволновой печи, я подниматься не стал и продолжал читать. Мое уединение нарушил Гонза Кубинец.

– Ушли, – сообщил он. – Все сделали. Счет нужно оплатить в ближайшем отделении Госбанка.

Он положил передо мной на стол квитанцию. Я взглянул на цифру – внушительно! Накрыв бумажку ладонью и утащил ее в ящик стола.

– Если мы будем так тратить, то нам и на жизнь не хватит! – заметил Гонза.

Я оставил его ворчание без внимания.

– Слушай, вычитал одну прелюбопытнейшую легенду! – сообщил я Кубинцу, закрывая книгу. – В израильских барах любят рассказывать истинную и самую наидостоверную историю происхождения пива. Когда случился Всемирный потоп, Ной построил ковчег и в один из трюмов погрузил мешки с ячменем. Челн швыряло и болтало по волнам, вода просочилась в трюм и подпортила груз. Ячмень намок и пророс... Высадившись на вершину Арарата и немного обустроившись, Ной обнаружил мешки с испорченным зерном. Выкинуть пожалел и велел жене одного из своих сыновей попробовать что-нибудь приготовить из этого. Женщина была в отчаянии, не зная, что делать, но послушаться батьку не посмела. Как раз наступила ночь, и она отправилась спать, решив с утра что-нибудь сварганить. Во сне ей явился ангел и рассказал, как из проросшего ячменя сварить волшебный напиток. Наутро, в точности следуя инструкциям ангела, она сварила первое в истории человечество пиво! Ной недоверчиво отнесся к напитку, но испробовал. Пиво пришлось ему по вкусу, и он потребовал от семьи вознести молитву Господу за новое откровение, полезное в быту!

Кубинец со скепсисом смотрел на меня. Когда я закончил, он нахмурился и ехидно заявил:

– Что-то я не помню, чтобы в Книге Бытия об этом упоминалось.

– В святом писании, действительно, нет про пиво ни строчки. Легенда передается из уст в уста на протяжении всего существования иудейского народа! – важно заявил я.

Кубинец хмыкнул. Я поднялся из кресла и с гордым видом ученого-энциклопедиста покинул кабинет, не удостоив Гонзу вниманием.

Ужинали молча. Я поставил на стол маленький двухлитровый бочонок со свежим пивом. Совместными усилиями мы его оприходовали и, пожелав друг другу приятных сновидений, разбрелись по спальням. Утро встретило меня прохладой, приятной телу и духу. Я выбрался из постели, потянулся и отправился в ванную. Освежившись в душе, почувствовал себя обновленным человеком, готовым к великим свершениям. По расписанию после завтрака у меня было запланировано посещение Хмельного подвала, что радовало необычайно.

Спустившись в кухню, я забрался в холодильник и выставил на стол масленку, палку колбасы и кругляш сыра. Зарядив кофеварку по полной программе, прогулялся до входной двери и извлек из почтового ящика свежий выпуск «Санкт-Петропольских ведомостей». В ожидании кружки ядреного кофе расположился за обеденным столом с газетой в руках.

Пролистнув страницы, посвященные политике и экономике, я без особого интереса просмотрел колонки из раздела культуры (последнее время театральная жизнь интересовала меня мало, как и киноиндустрия) и углубился в чтение криминальной хроники. Тоже сплошная кислота! Стоячая болотная вода!

Ничего заслуживающего внимания... Хотя стоп! Я впился глазами в маленький абзац и высосал информацию до последней капли.

«13 июля в 12.00 в одном из номеров люкс отеля „Бородинский Крест“ найдено тело молодой женщины. Тревогу подняла горничная, которая в течение полутора часов пыталась попасть в помещение, чтобы прибраться. Портье опознал убитую, которая накануне вечером сняла номер. Ею оказалась Иоланда Городишек – фотомоделль, известная по рекламным роликам косметических компаний „Невская лазурь“, „Северная Пальмира“ и др. Смерть девушки наступила в результате удушения. Нашему корреспонденту стало известно, что в номер она поднялась с неизвестным молодым человеком, личность которого не установлена. Дело передано в ведение криминальной полиции Васильевского острова. Следствие ведет инспектор криминальной полиции Григорий Лесник. Прокомментировать убийство он отказался, сославшись на недостаточность фактов. Мы будем следить за развитием событий. Редакция».

Скучно... Чахлое болотце – даже лягушек половить негде... Впрочем, имя Иоланды Городишек мне было знакомо – только не по телевизионным рекламам, которые я не смотрю, а по светской хронике: оно часто соседствовало с фамилиями известных политиков, актеров и прочей богемы.

Пропустив спортивную страничку, я пролистнул раздел кроссвордов, прогноз погоды и анекдоты, затем вновь по диагонали просмотрел газету, но ничего интересного не обнаружил. Отложив чтиво на край стола, я налил себе кофе, сварганил несколько бутербродов, которые тут же и проглотил. Опустошив кофейную чашку, сложил грязную посуду в посудомоечную машину и направился к лестнице, что вела в подвал.

Сегодня дел было мало: проверить, не проросло ли зерно, и, если оно готово, поставить на прожарку.

Тусклое освещение моего заводика делало пространство уютным, располагало к философствованию и творчеству. Запах сырости и прохлады... Что может быть лучше посреди душного июля?..

Миновав два зала, я очутился в третьем. На больших столах, ограниченных бордюрами, чуть затопленное водой лежало на проращивании зерно. Взяв одно зернышко, я убедился в том, что оно готово к жарке. Росток, проклюнувшийся из ядра, на миллиметр превышал два сантиметра – это означало полную готовность. В течение получаса я загрузил зерно в печь, выставил температуру обжарки солода и время работы.

От хлопот меня оторвал Кубинец, спустившийся лично. Мог бы, и позвонить – так нет же!.. Я недовольно оторвался от тетради с техническими заметками и поинтересовался:

– Что надо?

– Как «что»? Ты уже забыл? Повара пришли. Мы их сегодня дегустируем! – обрадовал Кубинец. – Один я этим заниматься не буду – ты потом заявишь, что повар вообще готовить не умеет!

– А так ответственность мы разделим пополам... – закончил я мысль Кубинца.

– Какой догадливый! – изумился Гонза.

– Буду через пару минут, – пообещал я.

Удовлетворенный Кубинец удалился. Я проверил график варки и план на ближайшие дни. Отдав на откуп пивной компании «Очкарев & Ко» сорт «Туровское Юбилейное», я производил это пиво в домашних условиях только для ресторана «Эсхил – ХР» и бара «Вишневый самурай». Оно практически было готово. Судя по календарю, несколько дней ему еще

предстояло провести в моем подвале: сегодня – 14 июля, среда, а поставку пива я должен был осуществить не позднее пятницы. Времени хватало.

Позвонил знакомому фермеру, который поставлял мне природные пивные ингредиенты, и поинтересовался, когда увижу два мешка вереска, заказанные двумя неделями ранее. Фермер долго извинялся, ссылаясь на то, что доставить мешки он не смог, поскольку его старенький драндулет сломался и починить его пока никто не берется. Я пообещал, что заеду в четверг сам, и отсоединился.

Проверив еще раз печь, я покинул подвал, намереваясь через пару часов вернуться.

В холле первого этажа блуждали трое мужчин средних лет и один юнец, только что выпустившийся из кулинарного колледжа. Дальше холла Кубинец их не пустил. Поздоровавшись мимоходом, я перешагнул порог кабинета.

– Мог бы и без меня начать! – буркнул я.

– Обойдешься, – ответил Кубинец, выглядывая за дверь и приглашая ожидавших.

Передо мной на стол легли четыре резюме, оформленные в агентстве по подбору персонала. Мельком глянув в анкеты, я отложил их в сторону и уставился на Кубинца вопрошающе: неужели по бумажкам можно определить, как готовит человек и подходит ли его талант нашим желудкам?

Кубинец осознал мою правоту, возвысился из-за стола и заявил:

– Предлагаю перейти в кухню. Вы приготовите блюда, которые считаете, согласно данным агентства, своими коронными. Продукты уже ждут вас. Блюдо, которое мы с господином Туровским признаем самым вкусным, позволит кому-то из вас занять вакансию.

«Красиво излагает!» – оценил я.

Два часа колдовали кандидаты, наполнив нашу унылую кухню, не знавшую ранее ничего вкуснее купленных в магазине пельменей или подогретой в печке пиццы, ароматными запахами, возбуждающими аппетит. Я обтекся слюнками. Первые полчаса держался твердо, затем извлек из холодильника бутылку «Туровского Темного», сорвал пробку и стал тихонько потягивать.

По прошествии двух часов на столе перед нами нарисовались четыре блюда. «Угорь по-фламандски» оказался весьма вкусен, но я почему-то испытываю острое отвращение к угрям. Отведал кусочек и оставил все на растерзание Кубинцу, который накинулся на рыбку с жадностью древнего германца, долгое время обходившегося без мяса.

«Черепаша под майонезом» мне тоже понравилась, но экзотика есть экзотика: откусав черепашого мяса, я отодвинул блюдо в сторону.

«Голуби с зеленым горошком» были весьма изысканны и нежны, а все же проигрывали в сравнении с «Бужениной в пиве», которую с особым удовольствием я умял в десять минут, оставив кусочек Кубинцу. Гонза, судя по всему, разделил мое мнение.

– Мы готовы нанять вас, – обратился Кубинец к творцу «Буженины в пиве» – седовласому мужчине с черной бородкой и маленькой проплешиной на голове в форме тонзуры, – господин Ян Табачник...

Мое присутствие больше не требовалось. Я поднялся из-за стола, намереваясь вернуться в подвал, как вдруг позвонили во входную дверь. Испытав прилив раздражения из-за нарушенных в который раз планов, я открыл и немало удивился, обнаружив на крыльце Троя Епифанова, владельца бара «Вишневый самурай».

ГЛАВА 5

Высокий хмурый мужчина шестидесяти лет, массивного телосложения, с яркими зелеными глазами, окаймленными густыми бровями, сидел напротив меня в кресле. Внешне он напоминал быка, готового к бою. Весьма солидный возраст ничем не проявлялся в его облике – разве что редкой сединой, просыпавшейся в густую гриву смоляных волос, будто снежная пыль на чернозем. Таким я помнил Троя Епифанова по нечастым встречам в «Вишневом самурае».

Ныне Трой пришел ко мне в дом, и выглядел он ужасно. Блеклое, унылое лицо, потерявшее былую энергичность, некогда живые глаза тонули в кратерах усталости, залитые кровавым маревом...

Трой занял гостевое кресло, сгорбился и нервно затеребил длинными тонкими пальцами край шейного платка, словно перебирая клавиши рояля. Жалкий маленький человечек, сломленный жизнью...

То, что Трой Епифанов сам приехал ко мне, уже настораживало. Еще ни разу, несмотря на многие приглашения, семейство Епифановых не почтило меня своим визитом.

– Мною просрочена поставка пива? – сухо поинтересовался я, понимая, что причина визита совсем не в этом.

– Нет, Даг, при чем тут пиво? – Он сказал это настолько уныло, что у меня упало сердце.

Я почувствовал, что Епифанова здорово прижали. Если некогда искрометный человек, полный юмора, с богатой фантазией, превратился в хмурого, сухого типа, не способного выдавить подобие улыбки, – это что-нибудь да значило!

– Я тебя внимательно слушаю.

– У меня беда, Даг! – сообщил он и закашлялся в большой морщинистый кулак со вздутыми синими венами. – Я знаю тебя совсем недавно. Но обратиться больше не к кому: мне никто не поможет.

Трой воззрился на меня большими печальными глазами. Такие глаза могли бы растопить айсберг, обладай ими впередсмотрящий на «Титанике», заступивший на вахту в час катастрофы. Сколько человеческих жизней можно было спасти!

– Девчонку одну убили... Дрянная девчонка. Путалась со всякими... В общем, ничего стоящего... Конечно, плохо, что она умерла. Но таким людям, которые места путного не знают да лезут во всякую клоаку, другой дороги и быть не может... – Епифанов перевел дух, ибо в груди его свистела вьюга. – Довелось же моему младшему сыну Самсону спутаться с этой оторвой. Любовь у них закрутилась. Деньги она жала с него по-черному. Все, что я выделял, он спускал на эту курву. Ничего в карманах не задерживалось. Я платил за его обучение – он в Петропольском универе на юридическом учился. А тут узнаю недавно, что он уже два года глаз в универ не кажет! Но деньги у меня регулярно брал. Даже счет-фактуры предъявлял с настоящими печатями – один знакомый ему делал... Моя глупость, конечно, что я не сам оплачивал, а ему деньги давал, но прошлого не вернуть. Мальчик все по кабакам просаживал да девчонке этой подарки разные делал. И ведь не только на учебу – он с меня и по другим статьям сосал! Все на нее спускал! А она не только с ним, но и с другими мужиками жила. Со всех имела. Прибыльно, наверно, содержанкой быть... И ее убили. В общем, туда ей и дорога, но главный подозреваемый – мой сын.

История мне что-то напоминала. Я напряг память, пытаюсь вспомнить, откуда она мне знакома, но тщетно.

– Как зовут девушку? – спросил я.

– Городишек – фамилия. Имени не знаю.

– Иоланда, – добавил я, вспоминая статью из «Санкт-Петропольских ведомостей».

– Вы знакомы? – насторожился Епифанов.

– Читал о ее смерти в газете, – развеял я его опасения.

– Самсон был с ней накануне ее смерти. Она сняла номер в отеле, где потом все и произошло. Он увидел ее в холле. Подошел. Разговорились. Она поднялась к себе. Он последовал за ней. Что случилось в номере – туман: Самсон ничего не сказал напрямую. Только одно: они крупно поссорились. Она просила какие-то деньги. Сдается мне, что он подрался с ней: лицо у него все в царапинах, и кровь носом шла... Самсон трясется весь, полиция боится... Выгнала его эта лахудра, а уже почти ночь была. Как назло, никто не видел, как он уходил. Вместо того чтобы воспользоваться лифтом, где лифтер сидит, мой идиот спустился по лестнице и свалил черным ходом. Говорит, что переживал из-за скандала. Где-то в баре – названия не помнит – надрался до свинячьих глазок. Всю ночь просидел. Утром объявился дома – таксист привез в полубессознательном состоянии. Ничего, никаких подробностей о прошедшей ночи не помнит. А из газет я узнал, что полиция ищет неизвестного мужчину, который находился в том номере. Им вычислить Самсона – дело времени. Епифанов умолк.

– Что требуется от меня? Я не адвокат. А мальчику, по всей видимости, нужен именно он.

– Я – трезвомыслящий человек! – сообщил мне Епифанов, воссоздав на лице маску «государя самодержца». – И прекрасно понимаю, что петля на шее сына уже затянута. Осталось только выбить из-под ног табуретку.

– Ну, зачем же так сразу? При хорошем адвокате...

Я поспешил уверить Троя, что выход из любого положения есть, что не стоит отчаиваться, но он отмахнулся от меня, словно от назойливой мухи, и процедил сквозь зубы:

– Не надо банальностей!.. Я не сегодня родился на свет и понимаю прекрасно, что шансов у Самсона нет. По крайней мере, законных шансов. Единственный вариант – найти настоящего убийцу девчонки. За этим я и приехал к тебе. Ты – лучший на своем поле.

– Поиск убийцы обычно занимает много времени. Самсона могут и осудить. Не обещаю, что найду преступника за два дня... – предупредил я.

– Понимаю, – согласился Епифанов.

– И все равно готов меня нанять?

– Да. Самсона пока никто не обвинил. До того, как полиция вычислит его, есть время. Форсаж, так сказать.

– Где Самсон сейчас?

– Я отвез его к другу. У него свой дом возле Пулковских высот. Там его никто не найдет. Даже полиция! – Епифанов зловеще ухмыльнулся.

– Пока я не поговорил с Самсоном и не осмотрелся на поле, не могу ничего толкового предложить. Но ты должен знать сразу: если я возьмусь за это дело, оно влетит тебе в копеечку. Деловой партнер – одно, а следствие – другое. Я не занимаюсь сыском из благотворительности.

Неуютная позиция! Епифанов, конечно, владел баром, но сколько может приносить прибыли его бар? На жизнь да на прокорм семьи, которая у Троя весьма обширна... Заниматься же следствием за гроши я не мог – не те у нас отношения с Епифановым.

– Брось! – отреагировал пренебрежительным жестом Трой. – Я не нищий. Деньги есть. Не только от Вишневого самурая кормлюсь – и иных источников доходов хватает. Не стесняйся, Туровский, называй сумму! Разрешаю даже зависить ее. Все оплачу!

Я усмехнулся: не так прост орешек...

– Предварительная работа: разговор с твоим сыном, все такое – тысяча рублей. По результатам выставлю гонорар.

– Назови сумму задатка! – потребовал Трой, имея при этом вид древнеиндийского вождя, подготовившего великий поход на бледнолицых.

– Пятнадцать тысяч! – твердо заявил я.

Трой потянулся за чековой книжкой в нагрудный карман. Аккуратно извлек ее, раскрыл и, вписав сумму, легким росчерком узаконил свое решение. Вырвав чек, положил на стол передо мной.

– Я хочу, чтобы ты серьезно подумал над моим делом! – прокашлял Епифанов.

Я взял чек, развернул и посмотрел графу «сумма»: шестнадцать тысяч! Трой приплюсовал к задатку солидную добавку за беспокойство.

– Завтра встречаюсь с Самсоном. Можешь подготовить...

– Завтра? Не пойдет! Я хочу, чтобы ты встретился с ним сегодня! – жестко потребовал Трой.

Я понимал чувства отца. Когда над сыном висит ржавый меч правосудия, тут не до сантиментов и не до дипломатии. Нужно срочно хватать отпрыска за волосы и вытаскивать из болота!

Встретаться с Самсоном сегодня мне было лень, но отказать столь щедрому клиенту я не мог.

– Хорошо, давай вечером... – Я распахнул ежедневник и взял ручку, приготовившись записывать. – Адрес?

– Даг, мне очень нужно, чтобы ты встретился с ним немедленно. Я отвезу.

Трой был настроен решительно. Я тяжело поднялся с кресла, открыл ящик стола, опустил в него чек, захлопнул и направился к двери, бросив на ходу:

– Предупрежу напарника. Через две минуты буду готов. Подожди.

Кубинец восседал на кухне и усердно дегустировал «буженину в пиве». Я сообщил ему зловеще:

– У нас новый клиент.

– Ну наконец-то! Мог бы найти его и раньше! – Гонза скорчил недовольную мину.

– Между прочим, я вынужден работать, чтобы твоего повара оплатить! – прорычал я.

– Хочешь сказать, что кушать дома больше не будешь? – ехидно осведомился Кубинец.

– Когда вернусь, вздерну тебя на рее своей яхты! – пообещал я, покидая кухню.

Поднявшись в спальню, нацепил пояс с кобурой, проверил наличие патронов в обойме и число запасных обойм, посмотрел на себя в зеркало и, прикрыв голову широкополой белой шляпой, спустился в холл, где меня дожидался Трой.

ГЛАВА 6

После прохладной, с легким морозцем атмосферы дома улица показалась мне адским пеклом. Пробежав по причалу, я направился к «Икару», мечтая запустить кондиционер и выбраться на водный простор, но Трой остановил меня:

– Поедем на моем!

Я, не задумываясь, согласился: пролететь над невскими волнами на легкокрылой комфортабельной «Ласточке» с личным шофером – кто же откажется от такого?!

Признаться честно, отнесся я к делу Троя Епифанова с легким скепсисом: дрожит старик за сына!.. За любимого сына! (Просто знал, что Самсон ближе и дороже ему, нежели старший отпрыск Карп.) Вот и преувеличивает несколько сложность и безнадежность ситуации... Даже поразительно, как сильного человека сгибает в одночасье черное известие! Неудивительно, что в древности гонца, приносившего дурное сообщение, казнили.

На палубе «Ласточки» старик взял меня за руку и увлек к палубной надстройке. Распахнул дверь, обитую бархатом и украшенную позолотой, и пропустил вперед.

Да, Трой и впрямь не нищий! Чтобы такой катерок иметь, нужно большими возможностями располагать! Класс – «лимузин». Изготавливается по спецзаказу. Полный шик!

Перегородки разделяли внутреннее пространство «Ласточки» на три залы. Первая представляла собой огромный бар, заполненный различными напитками. Трой тут же предложил мне выбрать что-нибудь для себя. Сам – щедро нацедил в бокал «Белой лошади» и осушил его залпом. Здоров он виски хлестать! Налив второй бокал, Трой направился в другую комнату. Чтобы не отставать от хозяина, я подцепил из бара бутылку «Туровского Юбилейного» и пошел следом.

Вторая зала, более просторная, ярко освещалась солнцем, струившимся сквозь сплошной ряд окон, тянувшихся вдоль обоих бортов. Тут стояли два дивана, три кресла, маленький столик, заваленный журналами на любой вкус (я лично сразу заметил и серьезный «Гризли», и развлекательно-порнографический «Белый»). Огромная плазменная панель телевизора занимала черной дырой целую стену. Рядом находилась маленькая дверка, откуда можно было попасть в рубку пилота. Но Трой к ней не пошел – нажал кнопку на столике и объявил:

– Можно трогаться.

– Слушаюсь, – раздался спокойный голос откуда-то из-под потолка.

Я рухнул в одно из кресел и стал наблюдать, как уплывает причал родного дома. Затем, настроившись на, работу, хоть это было и нелегко (радостное солнце и плеск волн за кормой мало располагали к серьезным занятиям), открыл пиво и поинтересовался:

– И где вы сына прячете, Трой?

– Есть друг у меня... – неохотно принялся рассказывать Епифанов. – Когда-то вместе за царя-батюшку кровь проливали в Ливии... Армию он, как и я, покинул. После ранения. Занялся бизнесом. Отец у него богатым был. Банкир. Вот и выделил сынку беспроцентный кредит. А заодно и мне – по большой просьбе Кактуса...

– Кактуса? – переспросил я. Признаться честно, мне показалось, что старик оговорился. Оказалось – нет.

– Кактуса, Кактуса... Так мы, кто в восьмом воздушно-десантном полку служили, прозвали Вальку Куракина. Он однажды прыгнул из самолета с парашютом и в полной боевой выкладке приземлился в заросли кактусов. Мало, конечно, приятного, но весь гарнизон долго потешался. Валька сначала обижался, а потом к прозвищу привык. И с удовольствием стал на него отзываться...

За такое прозвище я бы не беспроцентные кредиты выдавал, а топил обидчика в бочке с прокисшим пивом!

– ... Отец его мне хорошо помог. Я на ту ссуду открыл первый ресторан – «Старую башню» в Сестрорецке. Потом обороты набирать стал. И Кактус не отставал. С папашей его мы расплатились в первый же год... А дружим с Кактусом всю жизнь.

– И Куракин согласился укрыть вашего сына? – уточнил я.

– Он ничего не знает. Я просто попросил его, чтобы он Самсончика взаперти подержал малёхо – дескать, балует несмышлениш. Кактус и согласился. Теперь, наверное, придется ему все открыть. Но ничего... Валька – свой... Поймет...

«Ласточка» по Неве прошла мимо Адмиралтейского РАЯ и свернула, ведомая опытной рукой пилота, в Вознесенский канал, спустя десять минут сменившийся Измайловским, который выплеснулся в Обводной. От Обводного «Ласточка» взяла вправо и оказалась в Московском канале – теперь по прямой минут двадцать лететь!..

Я с удовольствием хлебнул пивка и высунулся в открытое окно. Взглянул на воду и убедился, что «Ласточка» не рассекает волны, а летит над ними... Замечательное судно – мечта моремана!

Весь путь по Московскому каналу мы провели в молчании. Я потягивал пиво, которое показалось мне на редкость вкусным. И вовсе не из-за того, что его сварил я, а просто потому, что хорошее пиво! Трой с отсутствующим видом посасывал из бокала виски – в минуту по капле – и мертвым взглядом смотрел в черную дыру плазменной панели. Возможно, он вообразил, что успел включить панель и теперь наслаждался придуманной его воспаленной фантазией картинкой. А может, тревога съедала его душу изнутри, поскольку не мог он отключиться, забыть о невзгоде, изгнать мысли о ней.

Я плохо знал Троя Епифанова. Но из того, что слышал от него самого и получил из достоверных источников, которые ни один стоящий детектив раскрывать не будет, Трой безумно любил младшего сына Самсона, доставлявшего его старой голове столько переживаний, что ей впору было распухнуть и лопнуть. Сколько раз Трою приходилось выпутывать сына из тенет, в которых Самсон оказывался по собственной глупости и разгильдяйству! Типичный представитель золотой молодежи, который покупает швейцарские часы за две тысячи рублей (не ведая, каким трудом достаются деньги, поскольку в жизни ни одной копейки собственноручно не заработал), а вечером в пьяном угаре какого-нибудь элитного кабака теряет эти часы под столом, чтобы наутро приобрести новые!

Самсона я лично не знал. И никаких предубеждений относительно него у меня не было. Но образ в моем воображении рисовался именно такой.

Обогнув насыпной остров, именуемый площадью Победы, где стояла скульптурная группа, воздвигнутая в честь «защитников отечества от врагов и нечисти», «Ласточка» устремилась к аэропорту. Позади сверкал десятиметровый шпиль, вознесенный к лучистому небу и хранивший память о войнах от Рюриковичей до наших дней. Чуть ниже на барельефе виднелись былинные рыцари, облаченные в шлемы и кольчуги, с обнаженными мечами, шипами и круглыми щитами. С ними мирно соседствовали солдаты в фуражках и касках, с автоматами наперевес и Георгиевскими крестами на груди... Выглядели все пафосно и солидно.

Миновав канал, уводящий к аэропорту Пулково, «Ласточка» пролетела чуть дальше и свернула в сторону Царского Села. Примерно через километр пилот свернул вновь и углубился в хитросплетение узких каналов маленького поселка, состоявшего сплошь из особняков нуворишей. Сбавив скорость, «Ласточка» с изяществом балерины, танцующей сольную партию, перетекала из улочки в улочку, пока не остановилась возле высокого трехэтажного дома из красного кирпича с огромным бронзовым кактусом, который венчал крышу, словно герб древнего рода.

Заметив мой насмешливый взгляд, Трой усмехнулся и проворчал:

– Валька посчитал это забавным... Никто из соседей так и не понял, за каким хреном он на крышу кактус высадил, к тому же из бронзы, а не из золота... Валька говорит, что это он памятник молодости своей поставил.

Епифанов поднялся из кресла, поставил бокал с недопитым виски на стол и направился к выходу. Я встал за ним, но и шага сделать не успел: дверь рубки открылась и из нее показался худощавый бледный молодой человек с лицом истинного британца.

– Трой Авдеевич, извините, что отвлекаю, но один из служебных катеров господина Куракина отсутствует на приколе.

– Ну и что? – прокаркал Трой. – Кто-то из прислуги на рынок отправился.

– Обычно на рынок они ездят по пятницам и субботам, но никак не в среду! – возразил пилот. – Я хорошо знаком с укладом жизни Куракиных – раньше ведь у них работал.

– Хорошо. Учту, – сказал Трой, выходя из зала.

– Вы же сами просили говорить обо всем подозрительном... – вслед ему произнес мальчишка. Я пошел за Епифановым.

За городом жара ощущалась меньше: больше простора, воздух рассеивается лучше... И чище здесь тоже. Не так уютно, как в лабиринте узких каналов Васильевского острова, но все равно хорошо.

– Пойдем. Не задерживайся, – проворчал Трой.

Видно было, что слова пилота взволновали его. Миновав открытые ворота, мы вышли на дорожку к дому, устеленную мраморными плитами и ограниченную булыжными бордюриками. Каждый булыжник бордюра был раскрашен в свой цвет и имел украшение либо в виде аляповатого цветочка, либо в виде солнца, раскидывающего лучи в разные стороны, словно пьяный арбалетчик стрелы в неведомого врага.

Заметив мой удивленный взгляд, Трой пояснил:

– У Кактуса дети малые. Вот и балуются. Я одобрительно хмыкнул и налетел на спину внезапно остановившегося Троя.

– Что-то не так... – сказал он, хищно осматриваясь по сторонам.

– В чем дело? – спросил я, не чувствуя опасности. Очень уж безобидно выглядел этот дом: дорожка, ворота, клумбы с цветами и тенистые яблони, усыпанные щедро маленькими зелеными плодами, которые к осени нальются соком и пригнут ветви к земле, норовя обрушиться на голову проходящего мимо юного Ньютона.

– Собак нет. У Кактуса они больно брехливые. Каждый раз вылетают, набрасываются, лизаться лезут. Брехливые и добрые... А тут – тишина. Непорядок это.

– Может, спят? – высказал я предположение, обходя Троя и продолжая путь.

– Быть того не может. Кактус натренировал их просыпаться при звуке мотора катера и встречать гостей – хоть прошеных, хоть непрошеных, – следуя за мной, отвечал старик.

– Да мало ли что могло произойти? К врачу повезли собак – ушки там у них разболелись или еще что... – беспечно заявил я, поднимаясь на крыльцо.

Трой не ответил.

Я нажал на кнопку звонка: в глубине дома запел соловей и через минуту стих. Постоял минут пять, переминаясь с ноги на ногу. Затем повернулся к старику:

– Кажется, дома никого нет.

– Быть того не может! – не поверил он.

Я взялся за ручку и толкнул дверь – так, на всякий случай. Она поддавалась... Распахнулась...

Похоже, чутье старика не подвело – и впрямь случилось что-то неладное. Я взялся за рукоять пистолета и переступил порог.

Достать оружие так и не успел: на мою голову обрушился небесный свод. В глазах потемнело... Потом я увидел черта, скалившего клыки мне в лицо, из его рта воняло клоакой пре-

исполни... Я перестал чувствовать свои ноги... Ноги перестали держать мое тело... Пол качнулся, словно палуба прогулочного катера, попавшего в шторм, и я отрубился.

ГЛАВА 7

Древние греки верили во всякую чепуху. Например, наивно полагали, что рядом с ними обитают полулюди-полулошади, что на горе Олимп имеется общежитие богов. Они видели в зарослях кустарников наяд и опасались злобного Пана – пакостного и ужасно неприятного типа. Помимо того, были убеждены, что небеса – точно такая же земля, только расположенная сверху, поэтому и поддерживают небесную твердь могучие Атланты – то ли преступники, осужденные за какие-то прегрешения, то ли рабы, лишенные смелости Спартака. Предания не сообщают о бунтах Атлантов или хотя бы о маленьких восстаниях – с целью изменить режим работы, ввести кратковременные отпуска и бесплатную выдачу молока за вредность...

И все же в чем-то греки были правы. Моя голова испытала удар, равный по силе обрушению небесного свода! Я чувствовал себя Гераклом, вызвавшимся подменить одного из Атлантов на время...

В принципе, не так страшен удар, как наступающий за ним отходняк!.. Я выпал в болезненное забытие, наполненное черными, разбухшими от влаги тучами, которые жирными навозными жуками вздымались к небу и закрывали своими телами солнечный диск...

Возвращение к реальности было чудовищно болезненным – до сумасшествия и слепоты. Первое, что я услышал, перед тем как разлепить склеившиеся глаза, – спокойный голос Евгения Постегайло:

– Кажется, приходит в себя.

– Пропустите врача! – зашумел незнакомый мужчина.

Осколки света резанули глаза, и боль лавиной захлестнула голову. Я собрался было отключиться, но под нос мне сунули какой-то яд. Вонь мобилизовала сознание, и я окончательно очнулся.

Так... Лежу на полу роскошного холла огромного дома... На высоте примерно пяти метров – потолок, украшенный лепниной и росписью... Я никак не мог вспомнить: как тут оказался?

Лежать было холодно... Картинка плыла... С трудом разобрал изображение кактуса посреди потолочной пустыни... Память моментально сработала на образ: Валентин Куракин по кличке Кактус... К нему вместе с Троем Епифановым я отправился на «Ласточке», дабы побеседовать с сыном последнего...

С трудом приподнялся и осмотрелся по сторонам. Вокруг толпилось много людей. Надо мной склонился седовласый мужчина в белом халате и с пенсне на носу. В двух шагах от врача восседал на табурете Евгений Постегайло – вылитый фараон, поднятый из уютной постельки среди ночи для решения важнейшего государственного вопроса... Чуть дальше по холлу разгуливали человек десять в штатском. Среди них металась фигуры в синих форменных костюмах. Полиция...

«Значит, не только меня по голове шандарахнули!»

Ноги слушались плохо, но я поднялся. Сделал несколько неуверенных шагов и плавно, стараясь не совершать резких движений, которые активировали в моей голове маленькие ядерные бомбы, опустился на табурет, освобожденный Постегайло. Взгляд наткнулся на грузное тело, лежавшее на полу. Оно купалось в кровавом озере и было мне чем-то знакомо.

– Кто? – кивнул я на мертвяка.

– Епифанов. Трой Епифанов... – ответил Постегайло.

– Господин адвокат, попросил бы не подсказывать подозреваемому! – раздался зычный грубый голос позади меня.

Я попытался обернуться, но тело слушалось плохо.

Обладатель голоса появился сам: низенький пухлый мужчина, больше похожий на пирожок в костюме, нежели на полицейского. Его лицо украшали огромные пышные усы и маленькие круглые очки, надвинутые глубоко на переносицу. Большая широкополая шляпа идеально смотрелась на голове, снабженная полицейским значком.

– Позвольте представиться, – произнес толстяк. – О вас я уже наслышан. Вы, как я понимаю, знаменитый Даг Туровский... А я – новый инспектор криминальной полиции Григорий Лесник.

– Прошу любить и жаловать... – простонал я, хватаясь за голову.

– Что? – Григорий Лесник не оценил моего сарказма.

– Безумно рад, что вы здесь появились, господин инспектор, – прохрипел я. Видно, удар по голове повредил и мое горло. – Как это вы так оперативно сработали?

– Личный шофер господина Епифанова прождал два часа, потом прогулялся до дома и обнаружил тело хозяина, а рядом вас. И вызвал полицию! – сообщил Лесник.

Значит, убийца находился в доме и ушел не через причал...

– Господин Туровский, не могли бы вы объяснить, как тут оказались и что делали? – спросил инспектор Лесник.

Я взглянул на Евгения Постегайло – тот легонько кивнул, разрешая говорить.

– Трой Епифанов – мой деловой партнер. Я, знаете ли, варю дома пиво. Заводик у меня маленький. Могу без лишнего хвастовства сказать, что весьма преуспеваю на этом поприще. Господин Епифанов владеет... – Я поморщился от резанувшей голову боли и поправился: – ...вернее, владел баром «Вишневый самурай». Ему я и поставлял свое пиво.

– А не могли бы вы перейти к сути? – попросил вежливо Лесник.

Я начал рассказ с небольшой прелюдии – чтобы получить время на раздумья: никак не мог решить, сдавать ли господам полицейским Самсона Епифанова, любимое чадо Троя, или оставить его себе на закуску?... Однако же именно Самсон мог подстроить покушение на меня и убить собственного батюшку!.. Вздохнув, я сказал:

– Можно и к сути. Младший сынок Троя Самсон вляпался в какую-то неприятную историю. Кажется, он встречался с Городишек... Ну, с фотомodelью, которую недавно в гостинице убили... Трой опасался, что убийство повесят на его сына: слишком часто их видели вместе – ну, Самсона и Городишек... Вот он и обратился ко мне, чтобы я нашел истинного убийцу.

– Замечательно! – оценил Лесник. – Но это не объясняет, как вы оказались в этом доме.

– Дом принадлежит Валентину Куракину, который дружен с Троем Епифановым. Сюда Трой после убийства Городишек спрятал сына. Сюда же повез меня, чтобы я поговорил с Самсоном.

Лесник нахмурился, приобретя вид колобка, который измазался печной сажой и усиленными движениями бровей пытается очиститься.

– С Самсоном, как я понимаю, вам поговорить не удалось? – спросил он.

– Даже не увидел его, – усмехнулся я. – Меня по голове огрели раньше, чем я успел к пистолету прикоснуться.

Пистолет!.. Я спохватился и дернулся к кобуре. Полицейские насторожились, но промолчали: не стали на моих резких движениях заострять внимание... На мое счастье, пистолет был на месте в целости и сохранности.

Какой странный убийца, однако! Отправил на тот свет Троя, отключив меня, а на оружие не позарился!.. Подозрительно что-то... Непрофессионал? Похоже... Какой профессионал откажется заполучить на халяву чистый ствол, из которого потом щедрую косьбу человеческих душ можно произвести? Самое главное – совершенно безопасно для собственной свободы и шеи!

– У вас не забрали пистолет? – осведомился Лесник.

Цепкий дяденька... Пожалуй, покрепче будет, чем его предшественник Крабов.

– Пистолет на месте, – признал я.

– Знаете что, Туровский, поделюсь с вами одной ценной информацией. Самсон Епифанов два часа назад появился в двадцать восьмой полицейский участок района Адмиралтейский РАЙ и потребовал себя арестовать. Он рассказал, что вместе с госпожой Городишек поднялся в ее номер, где серьезно с ней поссорился. После чего ушел. В убийстве ее не признается, хотя все улики указывают именно на него... Когда начальник двадцать восьмого отделения услышал эту исповедь, он тут же позвонил мне и сообщил, где мой клиент. Самсона сразу же переправили в центральное отделение криминальной полиции. Мы провели очную ставку между ним и портье отеля «Бородинский Крест» Филиппом Шаром. Шар опознал в Епифанове того самого молодого человека, который вместе с Городишек поднялся в номер покойной и обратно не вышел. Утром его не нашли. Окно номера было распахнуто. Из этого окна можно легко выбраться на карниз и спуститься незамеченным в город – при определенной доле удачи, конечно. Так что топор по шее Самсона уже плачет! Остались только формальности.

Лесник перевел дух. При его пышности такой монолог мог оказаться весьма опасным для сердечной мышцы.

– Я рассказал вам все лишь для того, Туровский, чтобы вы не питали особых иллюзий относительно невиновности Самсона Епифанова: он вовсе не такая овечка, как кажется.

– А зачем он пришел к вам? – поинтересовался я. – Насколько я понял, Самсон не признался в убийстве Городишек?

– Полностью отрицает свою причастность! – подтвердил Григорий Лесник.

– И зачем же он тогда объявился?

– У меня сложилось впечатление, что мальчик несколько не в себе. Он утверждает, что его жизни угрожают. Какие-то люди хотят его убить, потому что он знает секрет Вишневого самурая. Попросил арестовать себя в целях обеспечения собственной безопасности.

Секрет Вишневого самурая! Какой секрет может быть у бара?..

Я весьма удивился словам Лесника. Вероятно, Самсон Троевич и впрямь тронулся малость умом!.. Но в своей голове я галочку поставил: все-таки смерть Городишек, трусость Самсона и гибель Троя Епифанова как-то связаны с «Вишневым самураем»... Наверное, хитрый Трой темнил, недоговаривал мне чего-то. Узнать из первых уст, что он от меня скрывал, теперь невозможно.

– А где хозяйева дома? – поинтересовался я. Григорий Лесник смерил меня взглядом и ответил:

– В пути. Валентин Куракин отправился в аэропорт. Ему позвонил кто-то и сообщил, что возвращается его жена. Она отдыхала в Ницце. Незвестный сказал, что Рената собралась домой раньше, поскольку у нее плохо с сердцем или что-то такое. Валентин встревожился и помчался в аэропорт встречать рейс из Ниццы. Взял катер прислуги – перепутал второпях. Так, по крайней мере, утверждает управляющий домом.

Предваряя мой вопрос, Лесник пояснил:

– У прислуги сегодня выходной...

Как все удобно сложилось! Слуги гуляют, Куракина срочно вызвали в аэропорт – дом пуст. Один Самсон Епифанов в нем. О нашем приезде никто не знал... Неужели убийца пришел за Самсоном, но младшенький к тому времени успел перетрусить и сбежал в город?

Голова от мыслей прямо трещала. Я помассировал яростно кончиками пальцев виски, словно током пронзаемые.

– Господин инспектор, мой клиент вам еще нужен? – учтиво поинтересовался Евгений Постегайло. – Ему будут предъявлены какие-нибудь обвинения?

– Нет, что вы! – развел руками Григорий Лесник. – Господин Туровский вне подозрений!

– Мы можем уйти? – уточнил Постегайло.

– Вы свободны, – разрешил Лесник. – Однако, господин Туровский, подпишите на всякий случай вот эту бумаженцию...

Он взял в руки папку с документами, которую поднес один из поручиков, и протянул мне. Я удобно устроил ее на коленях, открыл и пробежал глазами текст стандартного документа – обычной подписки о невыезде из города до конца следствия. Подмахнул написанное и вернул папку Леснику.

Евгений Постегайло помог мне подняться. Мы тандемом направились к выходу.

– Я на катере. Так что отвезу тебя домой. Там Кубинец уже рвет и мечет! – сообщил Постегайло.

Мы ступили на порог, и нас догнал зычный голос Григория Лесника:

– Господин Туровский, ждите меня в гости. Наслышан о вашем славном пиве. Хотелось бы испробовать его лично из рук мастера.

– Всегда рад, – отвечивал я.

ГЛАВА 8

– Как клиент? – ехидно поинтересовался Гонза Кубинец, встречая меня на крыльце дома.

– Уже мертв, – сообщил я, направляясь мимо него к лестнице, ведущей на второй этаж в мою спальню.

Ужин Кубинец потрудился притащить в постель. На большом подносе стояли блюдо с фаршированным мясом перцем и литровая кружка пива. С аппетитом умял кулинарный шедевр, запил все пивом и потребовал наполнить кружку по новой. Гонза хладнокровно исполнил мою прихоть: спустился на кухню, извлек бутылку из холодильника, принес – без всяких возражений. За вторым бокалом я поведал ему вкратце историю моего злосчастливого путешествия в дом Кактуса, то есть Валентина Куракина, расписал в красках смерть Троя Епифанова, арест его сына Самсона и знакомство с новым инспектором криминальной полиции Васильевского острова Григорием Лесником, ненавязчиво напросившимся к нам в гости.

– И как тебе этот тип? – с интересом спросил Гонза, который славился еще и тем, что жутко не любил людей в голубой форме.

– Не дурак, – оценил я. – Крабов, да упокоится душа его в мире, хоть и был своим, но все же в сравнении с Лесником заметно проигрывает.

– А по поводу всей этой катавасии что думаешь?

– Странно все как-то. Много неясностей и глупостей... Честно говоря, сейчас ни о чем думать не хочу. Моя голова похожа на чугунный котелок, по которому какая-то сволочь усиленно лупит двухсоткилограммовым молотом... Давай пораскинем мозгами завтра. Сон – вот о чем я мечтаю в данную минуту!

В подтверждение решительности своих намерений я одним глотком допил пиво, поставил пустой бокал на поднос и залег в кровать, как в берлогу, свернувшись калачиком и укутавшись простыней. Уснул мгновенно. Даже не уснул, а отрубился.

Проснувшись утром, я обнаружил, что по моей комнате нервно рассказывает Гонза. Вид у него был весьма встревоженный, но разбудить меня он не осмелился. Бродил вокруг, ожидая, когда я открою глаза.

Стоило мне сделать это, как он хищной птицей на олененка спикировал на мою особу. Хорошо хоть в глаза не вцепился!

– Срочно одевайся! Легкий душ – разрешается.

– Что стряслось? По расписанию – землетрясение? Или залив вышел из берегов и нам грозит Всемирный потоп? – поинтересовался я, позевывая и не выражая особого желания покинуть постель.

– У тебя в кабинете сидит дражайшая супруга покойного Троя Епифанова со старшим сыночком.

Новость не из приятных... Голова раскалывается, тело ломит, а тут тебе предлагают пообщаться с родственниками покойного! Отлежаться бы, зарывшись в подушки, забыться бы до конца недели... Но Гонза Кубинец поставил себе целью именно в это утро добиться звания чемпиона мира по подъему неподъемных грузов.

Кое-как, чертыхаясь и поминая недобрым словом все семейство Епифановых, я выбрался из постели.

– Что они хотят? – спросил я, забираясь ногами в брючины и раскачиваясь, словно чахлая осина под напором урагана.

– Со мной разговаривать не стали. Ты же у нас главный специалист по утешению безутешных вдов! – съязвил Гонза, подавая мне рубашку.

Принимать душ я не стал. После установки системы кондиционирования в спальне можно было замерзнуть и даже покрыться коркой льда.

– Налей кружку пива и принеси в кабинет, – попросил я Гонзу, спускаясь в холл.

– Будет исполнено! – отозвался он, подражая древнему джинну, извлеченному из кувшина.

Я пересек холл, взялся за ручку двери кабинета и, тяжело вздохнув, словно предстояло погрузиться без акваланга на океанское дно, переступил порог...

Везет же некоторым людям на женщин! Сам – невзрачный, как сморчок, возраст – почти мафусаиловский, а женщина у него – прекрасна, молода и свежа! Это я о Трое и Хлое Епифановых.

Хлоя сидела в кресле напротив моего стола. В почетном кресле для особо выдающихся гостей. (Туда я не каждого посетителя усаживаю!) В легком черном платье и в траурном платке на голове.

Возле нее истуканом возвышался молодой исполин: Карп, старший сын Троя Епифанова. Вид у него был внушительный, грозный, словно он собрался кровно отметить обидчикам отца и уже выкопал священный топор.

– Прошу простить, что заставил ждать, – огибая гостей, произнес я.

Упав в кресло, зашарил по столу, вспоминая, куда накануне спрятал чек, выписанный Троем.

– Очень сочувствую вам, мадам, и вам, молодой человек...

Не люблю произносить душещипательные речи! Они всегда кажутся мне насквозь фальшивыми. Банальные фразы в тяжелых ситуациях напоминают картон, из которого делают упаковку для бытовой техники: вскрыл коробку, необходимое вынул, остальное – на помойку... Также и слова сочувствия: произнес общепринятое, тебе поддакнули, всхлипнули носом, и можно перейти к делу.

– Мне не надо сочувствовать. Мне нужна помощь! – заявила Хлоя и взглянула на меня так, что по спине пробежали мурашки.

Я поежился и поинтересовался:

– Чем могу помочь вам?

– Я хочу знать, кто убил моего мужа. Я не спешил с ответом.

– Об оплате не беспокойтесь, деньги у меня есть! – продолжила Хлоя, видя, что я не горю желанием лезть в драку.

– Трой вручил мне задаток, чтобы я нашел убийцу Городишек и тем самым спас от осуждения вашего сына Самсона. Уверен, что те, кто убил Городишек, расправились и с вашим мужем. По голове получил и я. Так что тут у меня теперь и свой интерес! – сообщил я.

Помолчал немного и продолжил:

– Но вмешиваться в эту историю мне не очень хочется.

– Мы заплатим, сколько потребуется, – поспешила уверить меня Хлоя.

Карп промычал что-то матушке, но весьма нечленораздельно. Похоже, у старшего сына Епифанова в голове больше костей, чем мозгов.

– Я берусь за дело и постараюсь найти убийцу вашего мужа.

Дверь приоткрылась, в кабинет заглянул наш новый повар – кажется, Ян Табачник. Он втиснулся внутрь и, крадучись, словно тигр, пересек комнату с подносом в руках. На подносе гордо стоял бокал с пивом.

– Вам что-нибудь принести? – осведомился Табачник у Хлои, выставляя передо мной бокал.

– Нет, спасибо, – отказалась она. Повар исчез так же тихо, как и появился.

– Буду держать вас в курсе всех событий, – пообещал я.

– Когда вы намерены приступить? – ожил Карп. Голосом, кстати, он пошел в отца.

– Сейчас позавтракаю и приступлю.

Хлоя поднялась из кресла и в сопровождении сына покинула комнату. Я последовал за ними. Карп помог матери одеться. Приоткрыл дверь, пропустил ее вперед. Хлоя задержалась на пороге, обернулась ко мне и сообщила:

– Самсона обвиняют в убийстве этой девушки. Я не знаю ее имени. Меня в полиции допрашивали о том, какие отношения были у сына с отцом. Они думают, что Самсон убил Троя?

– Не берите в голову. Полиция имеет привычку заблуждаться, – обнадежил я.

Епифановы покинули наш дом. Я запер за ними дверь и проследовал на кухню, где меня дожидался завтрак: омлет с ветчиной, посыпанный зеленым луком и специями. Изумительного вкуса блюдо! Я накинулся на него, забыв про бокал с пивом, оставленный в кабинете на столе. Вспомнил о нем только тогда, когда на тарелке не осталось ни крошки.

На кухне появился Кубинец. Не говоря ни слова, бросил передо мной свежий выпуск «Санкт-Петропольских ведомостей», развернутый на странице с кричащим заголовком: **«РЕСТОРАННЫЙ БОСС УБИТ СОБСТВЕННЫМ СЫНОМ»**.

Подумав, что без пива подобного сорта чтиво потреблять трудно, я прогулялся в кабинет. Вернувшись, уткнулся в статью, не забывая прихлебывать напиток.

Ничего нового в газете не было – за исключением обстоятельств гибели Троя. Перед смертью его долго били. С таким ожесточением, что опознавать труп пришлось личному дантисту Епифанова: от лица осталась кровавая каша... Кости переломаны... Картина ужасающая. Жена Троя при виде трупа мужа потеряла сознание, а когда очнулась, два часа провела у психиатра... Газетчики в один голос обвиняли в смерти отца Самсона Епифанова: младший сын, избалованное создание... Отец впервые в жизни позволил себе указать, что ему нужно делать, и Самсон взбесился. Накинулся на отца с кулаками, не ведая, что творит...

Большей глупости я в жизни своей не читал!

Отбросив с отвращением газету в сторону, допил пиво и поднялся из-за стола. Пора было поразмыслить над тем, что имеем в наличии, и спланировать, куда двигаться дальше.

ГЛАВА 9

Перед смертью Троя я пообещал, что навещу его сына и побеседую с ним. С этого решил и начать следствие. Только попасть к подозреваемому не так-то просто. Куда легче, когда он разгуливает на свободе...

Сначала я подумывал позвонить Григорию Леснику и попросить его об одолжении, но быть кому-то обязанным, уж тем более полиции, – нет, идея не по мне. Придется поискать обходные пути в тюрьму. В принципе я знал, кто может помочь в этом деле.

Гонзу Кубинца я нашел в гостевом кабинете. Он восседал за моим столом, всем своим видом подчеркивая собственную значимость. Напротив него горбатился в кресле Ян Табачник и внимал словам «босса». Судя по обрывкам фраз, которые я услышал, входя в кабинет, Гонза бахвалился собственной крутизной, не забывая иногда и о моей скромной персоне. Делал он это для того, чтобы господин повар понял, насколько сильно ему повезло, когда Господь Бог соизволил поместить его в наше замечательное общество. Пришлось беседу прервать:

- Гонза, мне нужна аудиенция с одним из заключенных.
- Где заключенный заключен? – осведомился Кубинец.
- Подозреваю, что в «Крестах».
- Без проблем! – радостно согласился Гонза, подтягивая к себе телефонный аппарат.
- Жду тебя у себя.

Я покинул их, заглянул в холодильник, прихватил бутылку темного пива и поднялся на второй этаж. Развалился в кресле, раскрыл занимательную книгу, которую мусолил последние две недели, налил бокал... и тут передо мной вырос Кубинец! Книгу пришлось захлопнуть. А какое название многообещающее: «История вампиризма. Происхождение и эволюция мифа»!.. Чего меня понесло в такие дебри, интересно?

– Обо всем договорился. Малый и вправду содержится в «Крестах». В одиночке, камера шестнадцать б. Один из представителей тюремного комитета зарезервировал тебе окно в полчаса. В тринадцать ноль-ноль ты должен быть в «Крестах». Желаю приятно посидеть.

- Добрый ты! – оценил я. – За что и люблю. Только и тебе придется со мной ехать.
- Это еще зачем? – возмутился Гонза.
- Ради комплекта, – пояснил я. – Десять минут на сборы.

Сняв сигнализацию с «Икара», я накинул на плечи легкий пиджак серого цвета, аккуратно пристроил под пиджак кобуру с пистолетом, а на голову – шляпу, спустился в холл, пересек его и вышел на крыльцо.

Беспощадное солнце впилося в лицо, словно сбрендивший от голодухи сентябрьский комар, вообразивший себя Высшим Вампиром! О, как неприятно-то!.. Достал из кармана пиджака черные очки и нацепил их на нос. Теперь терпимо. Можно и поработать.

Пробежав по причалу, я взлетел по трапу на борт «Икара». Родная палуба под ногами! В рубке капитана я упал в кресло и повернул ключ зажигания. Мотор мягко заурчал.

Двадцать минут дожидался Кубинца, который вовсе не торопился. Появился он с недобрым видом, словно я покусился на его единственный выходной, к тому же отказавшись оплатить потраченное время. Он рухнул в кресло рядом со мной и демонстративно воткнул в уши пюговки наушников. Судя по мелодии, что тихо зазвучала из плеера, Гонза наслаждался классическим джазом. В коммунистической Америке джаз был запрещен, но на классика Луи Армстронга даже коммуняки не покусились. Как на гордость нации переть? Заключают свои же!

Я отлепил «Икар» от причала и взял курс на Неву.

«Кресты» – уникальное место. Строительство началось еще в царствование государя императора Александра III, а закончилось при Николае II. Предполагалась обычная тюрьма, но пока суд да дело – мысль развивалась. В результате вырос серьезный комплекс, который

название свое получил за пересекающиеся между собой в форме креста корпуса... Бывать в «Крестах» мне до сего момента не доводилось, хотя сколько знаменитых людей побывало здесь в свое время! Вспомнились строчки:

В той злой тишине, в той неверной, В тени разведенных мостов, Ходила она по Шпалерной, Моталась она у «Крестов»...

Тень огромного Троицкого моста накрыла катер. Темнота подарила временное отдохновение глазам.

Спустя пятнадцать минут вдалеке показалось массивное, хранящее в себе ужас тело тюрьмы. Восьмизэтажное кирпичное здание, обнесенное высоким забором, укутанным колючей проволокой, как модная барышня шалью.

Я направил «Икар» к краснолицему тюремщику и через минуту припарковал катер к причалу.

– Быстро мы, – отметил Кубинец, взглянув на часы.

– Ты хоть предупредил этого... как его?

– Табачника? – подсказал Гонза.

– Точно, Табачника... Предупредил, куда мы отправились?

– Как же иначе?! – Моя мысль, что он мог оказаться настолько беспечным, возмутила Кубинца.

Я аккуратно ввел «Икар» в объятия причального механизма, поставил катер на сигнализацию и покинул борт. Кубинец, поспешая за мной, проворчал:

– Вот скажи, Даг, как человек человеку: зачем ты меня потащил с собой?

– Для комплекта... – буркнул я.

К причалу как раз подошел экскурсионный катер и выгрузил пассажиров. Вошли в тюрьму вместе с экскурсантами, но внутри откололись от группы и направились к служебному входу, возле которого прогуливался капитан внутренних войск в серой форме. Капитан курил и, кажется, слегка нервничал.

Кубинец опередил меня и направился к нему. О чем-то спросил – капитан буркнул что-то в ответ и скрылся внутри. Кубинец подмигнул мне и последовал за тюремщиком. Мне не оставалось ничего иного, как сделать то же самое.

По широкой винтовой лестнице мы поднялись на несколько этажей вверх. Стены из мокрого кирпича навевали депрессию, напоминали о декабристах и первых революционерах, которые большую часть своей жизни провели в тюремных катакомбах. Почему-то на ум пришел Эдмонд Дантес...

Последний виток... Капитан скрылся в дверном проеме. Мы с Кубинцем нырнули за ним. Извилистые коридоры с каменным полом и кирпичными стенами... Капитан попросил подождать и исчез в одном из коридоров. Через минуту вернулся со связкой гремящих ключей, которыми отпер стальную дверь с решеткой.

– Подождите здесь, – предложил он. Я заглянул внутрь, поморщился и спросил у Кубинца:

– Сегодня по программе срок у кого-то из нас?

– Это место для свиданий, – поспешил успокоить капитан.

– Тогда другое дело, – согласился я, переступая порог камеры.

– За нами закрыли дверь, но запирать не стали.

Все помещение с маленьким окном, выходящим на невские просторы, занимали огромный дубовый стол и две скамьи по бокам. Я приземлился по одну сторону, Гонза – по другую. Уставились в лицо друг другу. Я ухмыльнулся:

– Надо было пивка с собой прихватить. Чувствую, сидеть долго будем.

– Брось. Сейчас приведут, – обнадежил Кубинец.

Время шло. Я изредка бросал взгляд на наручные часы, затем насмешливо посматривал на Кубинца. Гонза игнорировал мои уколы, но чувствовалось, что и он начал нервничать.

Полтора часа с момента ухода капитана... Кубинец поднялся со скамьи, прогулочным шагом добрал до двери, распахнул ее и выглянул в коридор.

– Грешным делом подумал, что нас тут заперли, – сообщил он, возвращаясь на место.

– Нет. О нас просто забыли, – предположил я.

В камере мы провели два с половиной часа. Успели дважды поругаться и поиграть в гениальную русскую игру «крестики-нолики»... И ведь никуда не уйдешь! Капитан вел нас так, что убраться восвояси без проводника мы бы не сумели... Когда мы уже отчаялись выбраться из «Крестов», когда Кубинец почти уговорил меня предпринять вылазку и попытаться найти дорогу на волю самостоятельно, дверь лязгнула, отворяясь, и в камеру зашел Григорий Лесник в сопровождении коварного капитана.

– Какая неожиданная встреча! – воскликнул я. – Неужели офис криминальной полиции временно перенесли в «Кресты»? Я слышал, что у полиции трудности со служебными помещениями, но чтобы настолько!

– Бросьте язвить, Туровский. Не до шуточек! – Лесник был явно не в духе.

– А тебя, тюремная морда, я обязательно покалечу! – пообещал я капитану, который выглядывал из-за спины инспектора.

Капитану мое обещание явно понравилось. Он потребовал, чтобы я исполнил его немедленно.

– Хватит!!! – рявкнул Лесник.

Что случилось? Неужели встречаться с подозреваемыми теперь подсудное дело, особенно если ты представляешь его интересы?

– Копейкин, оставьте нас наедине, – потребовал Лесник, обращаясь к капитану.

Капитан позеленел, но послушаться не осмелился – вышел вон, как и было указано.

– Что происходит, инспектор? Вы решили арестовать нас за попытку поговорить с вашим подопечным? – спросил я.

– Не до юмора, господин Туровский! – сурово оборвал меня Лесник и устало опустился на скамью рядом с Кубинцем. – Зачем вы хотели видеть Самсона Епифанова?

– Вот я и спрашиваю. Это что, подсудно? – ответил я вопросом на вопрос. Лесник озлился:

– Нет, не подсудно, а подозрительно! Вы хотите видеть Самсона Епифанова. Для этого созваниваетесь с генерал-майором Ивашевским, представителем тюремного комитета, спрашиваете у него разрешение – вместо того чтобы позвонить мне, приезжаете в «Кресты». Капитан оставляет вас здесь. Идет за Самсоном и обнаруживает, что подследственный Епифанов повесился в своей камере на жгуте, скрученном из простыни.

Повесившийся Епифанов – это круче, чем раскаленным молотом по голове!.. Я на время потерял дар речи. Лесник с удовольствием наблюдал за моей растерянной физиономией.

– Не верю! – наконец выдавил я из себя. – Самсон не мог повеситься. Он слишком любил жизнь.

– Вот и я не верю, – неожиданно согласился со мной Григорий Лесник.

Гонза Кубинец хмыкнул и разразился сентенцией:

– Если полицейский и частный сыщик сошлись во мнении, мир определенно катится в тартарары!..

ГЛАВА 10

Я еще не успел приступить к делу, как испытал поражение! Что ж, все когда-нибудь случается в первый раз, но не привык я проигрывать, даже не начав партию!..

Вернувшись домой, закрылся в кабинете на втором этаже, открыл бутылку пива и углубился в раздумья. Кубинец несколько раз пытался прорваться ко мне и поделиться своими ценными мыслями, но тщетно: дубовую дверь построили на века. Такую не то что кулаками – тараном стальным не прошибешь! Разве лазером расковырять можно.

Отставил пустую первую бутылку и тут же вскрыл вторую. Пиво было холодным и горчило.

Достав из коробки, обитой изнутри красным бархатом, толстую гаванскую сигару, я откусил кончик специальными клещами, сунул ее в рот и запустил кольца к потолку. От дыма в голове прояснилось. Я приступил к анализу, сопоставляя и сравнивая информацию, которой обладал. Надо сказать, с информацией было скудно: сплошной мрак, ничего светлого на горизонте...

Убили Иоланду Городишек. Последним ее видел Самсон Епифанов. Встречались они в гостинице. Епифанов ушел из номера. Никто это подтвердить не может... Епифанов скрывается. Ко мне приходит его отец, уговаривает взять дело. Мы едем к Епифанову-младшему. На нас совершают нападение. Епифанова-старшего убивают. В это время Самсон появляется в полиции и говорит, что ни в чем не виноват, но опасается за собственную жизнь, поскольку знает, видите ли, тайну Вишневого самурая. На следующий день в «Крестах» его находят повешенным...

Вот и все, что известно к данному моменту. Логическая цепочка не выстраивается – какой-то бред сумасшедшего!..

Затянулся сигарой и хлебнул пива... Что остается? Практически ничего! С какой стороны подступиться к делу, когда нет ни одной зацепки?! Ни фига мне не светит!

Сгоряча схватил телефонную трубку и стал набирать домашний номер Епифановых, но в последний момент спохватился и дал отбой: какую «отличную рекламу» я сделаю себе своим отказом!

Вместо Епифановых набрал номер криминальной полиции Васильевского острова. На другом конце провода незнакомый мужчина представился:

– Поручик Островеров, криминальная полиция Васильевского острова...

Дослушивать принятую формулу представления я не стал, оборвав поручика:

– Мне нужен инспектор Лесник. Соедините, пожалуйста.

– Минуту...

Из трубки полилась мелодия – что-то из древне-славянского в современной обработке. Не в моем вкусе. К тому же качество записи – кошмарное!.. Спас меня от увядания голос инспектора:

– Григорий Лесник слушает.

– Вас Даг Туровский беспокоит. Вопрос один есть. Не затруднитесь просветить... – Слегка заплетающимся языком я приступил к допросу инспектора.

– Если не потребуете разгласить государственные секреты, то почему бы и нет? – отозвался Лесник.

– Версия с самоубийством Самсона Епифанова подтверждается?

– Знаете, Туровский, я не имею права с вами об этом разговаривать... (Привычное вступление!) Но учитывая все, что вы сделали для империи, скажу: версия накрылась большим и толстым! Убили Самсона. Придушили, а потом петлю на шею набросили.

– Спасибо, Лесник. Когда вас можно ожидать в гости?

– Как только разберемся с этими сумасшедшими убийствами, так и приду. Фотомодель-то в высших слоях крутилась! Богема, так сказать...

Мы распрощались. Я повесил трубку и устался в стену, драпированную гобеленом, попыхивая сигарой. На гобелене была изображена сцена охоты. Стройный индийский юноша на длинноногом жеребце, натянув лук, гнался за ланью. Стрелы сыпались во все стороны, а лани хоть бы что – смерть обходила ее стороной.

Самсон оказался менее удачлив по сравнению с ланью... Знакомство и трагическая любовь к взбалмошной знаменитости свели его в могилу. То, что смерть старшего и младшего Епифановых связана фатальным образом с Иоландой Городишек, – нет сомнений!

Разговор с Лесником тоже ничего не дал. Куда дернуться? Кругом тупики!..

А когда ты зашел в тупик, стоит проработать свидетелей, алиби, а также все отбракованные ветви следствия, о которых уже успел позабыть, – это я твердо уяснил за время работы в Федеральной службе безопасности.

Перебирая кандидатуры, с кем можно пообщаться на заданную тему (таковых было не так уж много), я остановился на портье, видевшем, как Иоланда Городишек поднялась в свой номер с молодым человеком, в котором он признал затем Самсона Епифанова. Имелось одно препятствие для общения: я даже не знал, как его зовут... Еще раз звонить Леснику – это уже перебор!

Решил узнать все на месте... Как хоть гостиница-то называется? Тоже не помню! Кто же знал, что займусь этим делом?... Стоп, вчерашнюю газету выкинуть еще не успели, точно!

Я допил одним глотком пиво, поднялся из-за стола, схватил шляпу, нацепил ее на голову и направился к двери, не выпуская сигару изо рта. Освободив себя, спустился в холл и проследовал в гостевой кабинет, где обнаружил Гонзу Кубинца, который оккупировал мой компьютер. Судя по напряженному лицу, он рубился в какую-то игру. Зная его последнее пристрастие, можно было держать пари на урожай пива в этом сезоне, что Кубинец увлечен «Коммандос. Битва за Берлин»: хит сезона, засосавший Гонзу с первого уровня!

На мое появление Кубинец никак не отреагировал. Только сделал замечание:

– Мог бы и не курить в помещении. Закон Петрополиса читал «О запрете курения в общественных местах»?

– С каких пор мой дом стал общественным местом? – осведомился я, направляясь к книжному шкафу.

– С тех пор, как этот дом также и мой! – пояснил Кубинец.

– Ты газеты старые не видел? – поинтересовался я, не обнаружив ничего в бумажном ворохе.

– За какое время? – не отрывая взгляд от экрана, уточнил Гонза.

– За два дня.

– В холле. На журнальном столике.

Я буркнул «спасибо» и вышел. Газеты и впрямь лежали там, где указал Кубинец. Отыскав нужную статью, я вычитал название гостиницы: «Бородинский" Крест». Что-то раньше он мне нигде не встречался! Получается, что гостиница не в центре города, а где-то на окраине... Надо бы выяснить точный адрес.

Сгонять Гонзу Кубинца с компьютера я не стал: пусть играет дитя!.. Сделал только замечание, выраженное иносказанием:

– Дай человеку рыбу – и он будет сыт один день. Научи человека ловить рыбу – и он весь день будет сидеть в лодке и пить пиво!..

Кубинец скорчил мне рожу, но промолчал.

Я занял его рабочий стол – раз он оккупировал мой, захватчик! Развалился в его кресле, взял за телефонную трубку и включил автодозвон до справочной службы. Через четыре минуты передо мной лежал адрес «Бородинского Креста». Отель входил в элитный архитектур-

турный комплекс «Московский триумф» и располагался неподалеку от Московской триумфальной арки.

Адрес я запомнил мгновенно. Листочек же оставил на столе – на всякий случай.

– Ты куда-то собрался? – отвлекся от игры Кубинец.

– Думаю пошерстить одно злачное местечко.

– Я, конечно, не твоя мамаша – Господь уберег, но хотелось бы указать тебе на тот факт, что для самостоятельного вождения катера ты несколько не в фокусе! – заметил Кубинец.

– Ты прав, – неожиданно для самого себя согласился я. – Вызову такси.

Я дозвонился до круглосуточной службы вызова такси и заказал экипаж. Диспетчер пообещал, что машина будет у нашего крыльца через полчаса. Еще оставалось время пообедать в домашней обстановке, чтобы не тратить финансы на перекус где-нибудь на ходу.

Я напомнил Кубинцу об обеде. Он ответил, что через пару минут все будет готово. Остановив игру, он удалился на кухню проконтролировать работу Яна Табачника. Вскоре мы уже сидели над тарелками с горячим русским борщом, обильно сдобренным рыночной сметаной и зеленым луком. Борщ был изумительно вкусен! Вроде бы простое блюдо, но никто из нас приготовить его не смог бы.

Ян Табачник, разлив борщ по тарелкам, скромно уселся с нами за стол. Я выставил к обеду светлое пиво, но сам к нему не притронулся – и так выпил сегодня много, а впереди – важная встреча. Какие сюрпризы она принесет? Голова должна быть светлой, а мозг – готовым к действию. Я словно предчувствовал грядущие события.

Ян Табачник хранил за обедом молчание. То ли стеснялся, несмотря на возраст, то ли не знал, как себя вести и о чем говорить в нашем обществе. Лишь сдержанно поблагодарил меня, когда пригубил пиво. Отметил, что оно превосходное. Мы же с Кубинцем не умолкали: нет ничего лучше, чем беседа за вкусным обедом.

Расправившись с борщом, мы выразительно посмотрели на Яна Табачника, который немедленно разложил по тарелкам второе. Выглядело аппетитно, а на вкус оказалось просто изумительным: телятина с картошкой в майонезе, посыпанная сыром и зеленым горошком.

Я доедал предпоследний кусочек, когда во входную дверь позвонили. Табачник, желавший, чтобы мы оценили его талант без помех, поднялся из-за стола и отправился открывать. Вернувшись, сообщил:

– Такси прибыло.

– Все, поехал! – заявил я, уплетая последний кусок.

Кивнув на прощание Кубинцу, который отправился меня провожать, я выбежал на крыльцо и услышал, как хлопнула за мной дверь.

Такси ожидало у причала. Водитель прогуливался по палубе, наслаждаясь солнцем и теплом.

Я взбежал по трапу и скомандовал:

– Вперед!

– Куда едем-то, шеф? – устало осведомился водитель.

– К «Московским воротам». Угол Лиговского канала и Московского, – озвучил я маршрут.

Водитель обреченно проследовал в рубку. Я остался в пассажирской части катера. Автоматика подняла трап на палубу и скрыла в специальном отсеке. Катер плавно отошел от причала.

ГЛАВА 11

Странное чувство юмора у архитекторов. Как можно было избрать для построения элитного архитектурного комплекса место между двумя каналами – Лиговским и Черниговским? Неподалеку – Новодевичье кладбище, могила Некрасова... Сомнительное удовольствие! Меня взволновал вопрос: не страдали ли постояльцы «Бородинского Креста» от частых визитов привидений? В конце концов, соседи! Какой ошеломительный фурорчик можно было бы выстроить на этом соседстве! И почему я не автор романов ужасов?

Расплатившись с таксистом, высадился на набережную возле здания Товарной биржи. Осмотрелся по сторонам. Проходящий мимо прохожий оступился и нечаянно толкнул меня в спину. Извинившись, он продолжил путь, а я вернулся к разглядыванию урбанистического пейзажа.

Вечерело. Солнце перестало изготавливать из города жареную картошку и медленно катилось за горизонт, заливая небосвод багровым пламенем. Легкий ветерок шелестел между домами. От каналов поднималась прохлада. Город отдыхал. Тополя пустили парашютики белого пуха, которые закружились над улицами и каналами.

В поисках отеля я прогулялся по маленькому скверу. Его три скамейки стояли в тени, на них расположились мамы, качавшие перед собой коляски с младенцами. Имелся здесь и фонтан, в струях которого плескалась детвора.

Уютное местечко... Захотелось взять бутылочку пива и посидеть в теньке...

Миновав сквер, я вышел на мостик и перебежал на другую сторону Лиговского канала. «Московский триумф» отыскал с трудом: от постороннего взгляда его надежно прятали старые здания.

Отель «Бородинский Крест» представлял собой пятнадцатизэтажное здание, выполненное в готическом стиле, то есть с башнями и шпилями. Парадный вход украшали стеклянный колпак и два швейцара в рыцарской одежде с бутафорскими мечами на поясах. Под названием отеля расположился огромный крест, грани которого вмещали портреты выдающихся полководцев, разбивших Наполеона в 1812 году: Кутузов, Барклай де Толли, Багратион, еще кто-то, кого я не рассмотрел.

Вот и отель. Остановив жестом швейцара, который направился было ко мне, я вошел внутрь через разбегавшиеся передо мной стеклянные двери.

Холл был устелен коврами. Рыцарские фигуры в позолоте, мягкие диваны для посетителей, сонм obsługi, мельтешившей, словно осиный рой, почуявший неподалеку разлитое клубничное варенье...

Направился к стойке, где царил недвижимый портье. Я даже усомнился: человек ли он? Может, такая же статуя, как и рыцари?.. Но, завидев меня, портье преобразился: расплылся в улыбке и громогласно спросил:

– Могу вам чем-нибудь помочь?

– Знаете, дело деликатное, – сканируя настроение портье, начал я. – В вашем отеле недавно убили фотомодель. Я хотел бы поговорить с человеком, который стоял за этой стойкой в тот вечер.

– Вам нужен Филипп Шар, – любезно ответил портье.

– Как с ним встретиться?

– Вы знаете, он сегодня не вышел на работу. Говорят, что заболел.

– А как его найти в городе? – настаивал я.

– Ничем не могу быть полезен, – отказал портье. – Разве что наш управляющий может что-нибудь подсказать.

– Где он?

– В кабинете. Подождите минутку... – Портье поднял трубку внутреннего телефона.

Он сообщил кому-то о визите господина, интересующегося Филиппом Шаром, выслушал внимательно ответ и передал мне:

– За вами сейчас придут.

Я оторвался от гостиничной стойки, дошел до ближайшего кресла и утонул в нем. Чтобы скоротать время (когда за мной выйдут, я не знал), вытащил с журнального стола глянецовый журнал. На мое счастье, это оказался «Яхтинг мэгэзин». Откуда он взялся здесь? Удивительное дело! Номер старый, потрепанный... Я с удовольствием погрузился в мир яхт, не замечая реальности.

Оторвал меня от занимательного чтения высокий человек в строгом костюме с деловым лицом, который склонился надо мной и вежливо кашлянул. Опомившись, я подскочил к кресла, пожал протянутую руку и отбросил обратно на столик журнал, который, словно птица, распушив страницы, спикировал на поверхность.

– Чем могу помочь, господин...

– Туровский, – представился я.

– ...господин Туровский? – закончил вопрос Деловой.

– Я хотел узнать, как найти вашего портье Филиппа Шара.

– Здесь не очень удобно разговаривать. Пройдемте ко мне в кабинет, – предложил Деловой. По всей видимости, он и являлся управляющим отеля.

Заставлять дважды просить себя я не стал. Согласился. Пропустил Делового вперед, поскольку не знал дороги, и отправился следом. Управляющий обогнул стойку, открыл дверь с надписью «Службное помещение. Посторонним вход воспрещен» и сделал приглашающий жест. Через минуту мы оказались в его кабинете – просторном помещении, уставленном офисной техникой, с видом из окна на Московский канал, с шикарным мягким диваном для релаксации и репродукцией Клода Моне в легкой раме над ним. Название скопированной картины я не вспомнил, но что-то знакомое. На ней была изображена «ее величество Темза», укутанная туманом, одинокая башня Тауэр выглядывала из сумрака, одинокая лодка скользила сквозь вату тумана по беспокойной речной воде...

– Присаживайтесь, – предложил управляющий.

Я упал рядом с его рабочим столом. Он водрузился в свое кресло, закинул ногу на ногу и вопросительно посмотрел на меня.

– Зачем вам нужен Филипп Шар? – поинтересовался Деловой.

– Это связано с убийством Иоланды Городишек, – начал я издалека.

– Вы из полиции? – в упор спросил управляющий.

– Нет, – осторожно ответил я. – Скажем так: я из другой службы.

Я почувствовал: стоит мне только сообщить, что я из частного сыска, как на этом разговор и закончится... Пришлось увиливать и строить из себя высоко порхающую персону.

– Все ясно. Вы из Безопасности, – сделал вывод управляющий. – Это неудивительно, если учесть, в каких кругах вращалась Городишек.

– Вам и это известно? – удивился я. – А что, госпожа Городишек была частым клиентом вашей гостиницы?

– Не так чтобы очень. Но приблизительно раз в месяц, а то и два мы ее видели. Тут не сдаются номера на одну ночь. Мы не дешевый мотель, чтобы размениваться на такие мелочи. Она снимала номер на два-три дня. В первую ночь у нее обычно был гость, потом она жила одна и съезжала. Так повторялось постоянно.

– Вы видели этого таинственного гостя? – поинтересовался я.

– Нет. Может, кто из ночных портье и видел... Кстати, Шар мог его видеть. Неоднократно он был на ночной смене, когда останавливалась Городишек. И в ту злополучную ночь тоже дежурил он.

– Она встречалась все время с одним человеком или с разными?

Управляющий, не раздумывая, ответил:

– С одним. Точнее может сказать Шар. Но, по-моему, с одним.

– Замечательно!

Я узнал много полезной информации. Управляющий оказался кладом. Не оставалось сомнений, что Городишек убил именно тот таинственный незнакомец, с которым она встречалась в номерах отеля.

– Есть еще одна странность, которая мне бросилась в глаза, когда я заинтересовался этой девушкой... – Управляющий поморщился, словно воспоминания о ней были ему неприятны. – Возможно, это ничего не значит, но Городишек всегда снимала один и тот же номер. Впрочем, даже не она: кто-то заказывал номер по телефону на ее имя и проплачивал счет через банк.

– Что за номер?

– Двадцать восьмой.

– Его можно посмотреть?

– Он опечатан полицией. Если у вас есть полномочия, то пожалуйста, – равнодушно ответил управляющий.

Пожалуй, влезать на опечатанную территорию не стоило.

– В таком случае зайду в следующий раз, когда получу санкцию на снятие печати, – увильнул я.

Управляющий пожал плечами, показывая, мол, ваше дело.

– Скажите, отель устраивало такое положение вещей? – Я впился взглядом в управляющего, но он не дрогнул.

– Вы имеете в виду, нравилось ли мне, что из нашего отеля устраивают дом свиданий? Нет, не нравилось. И однажды я попытался возмутиться – запретил бронировать номер на имя Городишек... – Лицо Деловой исказила гримаса отвращения: воспоминания были ему неприятны. – В тот же вечер мне позвонили из совета директоров сети наших гостиниц и деликатно намекнули, что мы заинтересованы в таких клиентах, как она, и если я буду чинить ей в дальнейшем препятствия, то могу лишиться места. Моя работа мне нравится, и я сказал себе: раз это устраивает боссов, то почему не должно устраивать меня?

Похоже, Деловой все, что знал, рассказал. Осталось найти Шара и поговорить с ним. Вот кто мог прояснить личность таинственного любовника Городишек. По крайней мере, дать его словесный портрет, если не имя. С такими сведениями дело останется за малым: выяснить круг общения Городишек, встретиться с каждым, кто подходит по возрастной характеристике, и сопоставить словесное описание с натурой.

– Не могли бы вы теперь подсказать место жительства Филиппа Шара? – учтиво поинтересовался я.

– Конечно, подождите секунду.

Управляющий оживил компьютер, находившийся в «ждущем режиме», и защелкал мышкой, выбирая папки с файлами. Через минуту сообщил:

– Он в такой глуши обитает! На Средней Рогатке! Канал Столыпина, дом сто шестьдесят один, квартира сорок один.

Я поблагодарил управляющего, поднялся из кресла и направился к двери, когда Деловой внезапно поинтересовался:

– А нельзя ли взглянуть на ваше удостоверение, господин Туровский!

– Извините, господин управляющий, – обернулся я к Деловому. – Вынужден вам отказать. Я работаю инкогнито, под прикрытием. Поэтому не вправе раскрываться. Желая всего наилучшего. Надеюсь, что в вашей гостинице больше никого не убьют.

С этими словами я вышел за дверь, оставив недоумевающего управляющего в одиночестве. Деловой чувствовал, что его кинули на информацию, но никак не мог понять, кто, кроме полиции или Службы безопасности, мог нуждаться в таких сведениях.

ГЛАВА 12

Прав был управляющий: канал имени Столыпина протекал в ужасном захолустье. Такой пейзаж не станут показывать иностранцам, а постараются припрятать, дабы не пугать цивилизацию нецивилизованным видом. В любом городе любой страны есть парадный фронтон и есть обратная сторона декораций, которую прячут от зрителей.

Цветущий, замусоренный канал с масляными разводами на поверхности воды... Трех-четырёхэтажные домики из серого выщербленного кирпича нависали по обе стороны. Узкие разбитые причалы... Картина запустения и уныния царила в вечернем сумраке, навевая тоску. В одном из этих домов проживал Филипп Шар – портье отеля «Бородинский Крест».

Филипп Шар... Странная фамилия, хотя чему удивляться? Знал я в бытность свою начальником службы безопасности порта одного человека с фамилией Круг-лик! Надо сказать, имел он нормальные формы и мало походил на колобка. Круглик был одним из молодых охранников, но судьба развела нас в разные стороны, так и не дав толком сдружиться...

Сто шестьдесят первый дом я отыскал с трудом. На этом отрезке канала таблички с указателями улиц и нумерацией домов отсутствовали. Пришлось несколько раз тормозить таксиста и спрашивать путь у прохожих – в основном заядлых собачников, которые вдоль набережной выгуливали своих четвероногих друзей, оставлявших после себя характерные метки. Цивилизация до этих мест докатилась лишь эхом.

Водитель вырулил наконец к сто шестьдесят первому дому и выдвинул трап. Я рассчитался и спустился на причал, укутанный вечерним сумраком. Стоило поторопиться, иначе домой можно было припоздниться. Кубинец не одобрял, когда посреди ночи бухала входная дверь, потом кто-то рылся в холодильнике в поисках замороженного ужина и шумно открывал пивные бутылки.

Перед нужным мне домом был разбит маленький сквер – диаметральной противоположности того, через который я спешил в «Московский триумф»: три поломанные скамейки, где для сидения годились разве что спинки, пустые пакеты из-под чипсов, банки из-под пива, окурки сигарет... Мусор валялся на дорожках, нисколько не смущая жителей домов, которые проходили мимо с отсутствующим видом.

Я направился к первой приглянувшейся парадной с навесным козырьком, поросшим сорной травой, из которой торчал прут арматуры. Оттуда вышла худая женщина с цвета вороньего крыла волосами, с пристальным неприятным взглядом, в красном халате и в тапках (правый – с дыркой, являвшей миру большой палец ноги). Она вынесла пакет с мусором и вместо того, чтобы отнести его на помойку, оставила между входными дверями парадной.

Я посмотрел на табличку, висевшую над парадной, и обнаружил, что сорок первая квартира располагается именно здесь на третьем этаже. Вошел в черную парадную – пролежень на солнечном лике города – и зацокал по ступенькам наверх. Запутаться в лестничных площадках несложно, в особенности если ни на одной квартире нет номера.

На третьем этаже имелось две двери. Сначала я позвонил в правую. Открыла старушка – сморщенная, высушенная, с костлявыми руками-метелками. Минут пять она пыталась понять, что мне нужно, после чего заявила:

– Ждежь, шудар, таких нетуть! – И захлопнула перед моим носом дверь.

– Ты такая милая, лучше выпью пива я... – пробормотал себе под нос, нажимая кнопку звонка соседней квартиры...

Дверь открыли не сразу. Я терпеливо ждал. Подумал было, что в квартире никого, но ошибся: из черноты прихожей выглянула хмурая личность, от которой явственно тянуло алко-голем.

– Здесь дух хмельной, здесь сулом пахнет! – заявил я, заглядывая внутрь.

Обладатель дырявой майки и всклокоченных грязных волос попытался меня остановить, но он слишком плохо держался на ногах.

– Что вам, собственно говоря, надо?

– Видеть желаю Филиппа Шара! Проживает здесь такой? – прикидываясь простецом, рубахой-парнем объявил я.

– Ну, я – Шар. Чего надо-то? – недружелюбно проскрипел обладатель дырявой майки.

И как таких на работу в элитный отель принимают? Или у них там особый подбор персонала: устраивают только алкоголики со стажем и дурным запахом изо рта?.. Хотя, может, человек просто в запой сорвался! Может, у него причина есть...

– Ну, если вы – Шар, то хотелось бы поговорить относительно гибели Иоланды Городишек. Кто тот таинственный ухажер, с которым она встречалась в вашей гостинице?.. Кстати, Иван Сергеевич (так звали управляющего «Бородинским Крестом») просил передать вам глубокий привет.

Шар побледнел и забормотал что-то нечленораздельное. Кажется, протрезвел в мгновение ока!

– Вы... это... неудобно здесь. Давайте поговорим... где-нибудь... там... – перешел на пониженные тона Филипп, словно боясь, что его могут услышать. Кто-то явно находился в квартире. Собутыльник, что ли? – Подождите меня внизу. Я спущусь через восемь минут.

Не дожидаясь моей реакции, он затворил дверь. Никто не жаждет пригласить меня в гости сегодня. Такая вот непопулярная я фигура!..

Спустился во двор. Хотел было присесть на какую-нибудь скамейку, но решил, что помещать свое седалище в такую грязь – не уважать себя. Достал из кармана пиджака сигару, которую не докурил дома, сунул в зубы и прикурил от зажигалки. Попыхивая дымом, принялся прогуливаться по скверику, ожидая явления Филиппа.

Из парадной появилась давешняя женщина, что оставила между входными дверями пакет с мусором. Я подумал, что она собралась отнести его на помойку, но дама с решительным видом направилась куда-то из двора – в голубых джинсах, в белом пиджаке с розой и в мятом белом берете на голове. Видно, по магазинам... Я потерял к ней интерес.

Успел выкурить половину сигары, пока появился Филипп Шар – гладко выбритый, с мокрыми волосами, в свежих джинсах и в белой футболке, которую перечеркивала надпись: «Я родился белым». Он направился ко мне – решительный и благоухающий дорогим дезодорантом. Разительная перемена! Волшебство просто какое-то.

– Что вы хотите от меня услышать? – налетел он с ходу.

– Может, сходим в бар? Выпьем по кружечке пива, скушаем по рыбке и поговорим по душам? – дружелюбно предложил я.

Но поддержки мое дружелюбие не получило.

– Я не пью пиво! – отрезал Шар.

– Что ж, – задумчиво произнес я, – будем разговаривать в этом гадюшнике?

– А чем вас не устраивает мой двор? – с наездом спросил Шар.

– Грязно! – честно сказал я.

– Ничего. Зато родные стены душу греют... – Ваше право... – равнодушно качнул я плечами, – Иван Сергеевич упомянул, что вы несколько раз работали в ночь, когда номер снимала Иоланда Городишек, – ну, модель, которую убили в вашем отеле.

– Да, – подтвердил Филипп Шар.

Чувствовалось, что разговаривать ему неохота. Только упоминание управляющего заставляло его отвечать на вопросы. Кажется, господин Шар принял меня за большого товарища их управляющего. Мне это на руку.

– Я хотел бы знать: в эти дни к Городишек приходил всегда один и тот же тип или разные?

– Один и тот же. Попадание в десятку!

– Вы видели его? Смогли бы описать? – с замершим сердцем поинтересовался я.

– Конечно. Такой высокий... – наморщив лоб, стал усиленно вспоминать Шар. – В годах... Может, под полтинник... Молодо, однако, выглядит... Светловолосый... Большие, чуть навывкате глаза... Усы густые – как в старину... Больше ничего такого приметного.

– Случайно не запомнили его имя? – Я усилил нажим: вдруг повезет?

К причалу подошел катер, украшенный шашечками таксомотора. Неспешно выполз трап. Я не придавал этим фактам значения, но в душе заворочалось что-то нехорошее.

– Настоящего я не знаю – он никогда не представлялся. На чай вот давал сторубливку... А эта Городишек...

Тетенька в белом берете втащила во двор бегемоты-сумки. Моя догадка была верной: в магазин ходила. Она направилась к парадной.

– ...называла этого мужика...

Договорить Филипп Шар не успел. Раздался сухой механический треск, и его грудь покрылась рваными пятнами, из которых зафонтировала кровь... Попала и на меня.

Я уклонился от падающего тела с застывшим выражением ужаса в глазах, понимая, что теперь моя очередь. Автоматное пение не утихло, продолжив панихиду по мне. Я рванул к единственному пригодному укрытию. Пули щелкали за спиной. Упав за детскую песочницу, вжался в землю. Краем глаза видел, как заспешившая домой тетка в белом берете споткнулась о ступеньки и завалилась на крыльцо парадной с разваленной очередью головой. Ее глаза залила кровь.

Выдернув из плечевой кобуры пистолет, я стал выжидать. Когда-нибудь у стрелка кончится рожок, и, пока он будет перезаряжаться, у меня появится шанс.

Автомат смолк. Я вырос из-за раскошенной в щепу песочницы и, в момент сориентировавшись, открыл огонь на поражение.

Стрелок, убивший Филиппа Шара, находился на причале. Он прибыл к дому своей жертвы на таксомоторе. Такси уже отчалило от причала и удалялось. Убийца бежал к скверу, на ходу перезаряжая автомат.

Сфокусировал взгляд на его фигуре и нажал на курок. Стрелок споткнулся, полетел через голову и застыл.

Я вынырнул из укрытия и поспешил к нему. Он умирал. Глаза заволокли слезы. Я наклонился над ним и прорычал, сдерживая злость:

– Кто заказал Шара?

– Пшел ты! – прохрипел стрелок, закашлял и умер.

Как они сумели вычислить меня? Что не успел сказать Филипп? Вдруг прозвище, которым наградила своего ухажера Городишек, скрывало что-то важное?.. Где же я успел наследить?

Распрямылся, и тут меня осенило: в квартире Шара кто-то был! Вполне возможно, именно он и вызвал киллера!

Я бросился к парадной. Перескочил через тело женщины и устремился вверх. Дверь квартиры Шара была распахнута. Вошел внутрь, осмотрелся, заскользил по коридору, заглянул в каждую комнату – пусто! Нигде никого...

А ведь неплохо жил портье! Шикарно... Лишь батарея пустых бутылок выдавала прошедший запой.

Задержался возле телефонного аппарата – старого, красного, с расколотым корпусом. Просканировал стены, возле телефона все осмотрел – ничего интересного... В последний момент обратил внимание на телефонный номер, записанный простым карандашом на обоях. На карандаш нажимали слабо – чтобы не был заметен...

А неизвестный из квартиры Шара исчез! Наверное, ушел через чердак...

Я достал записную книжку, переписал номер и поспешил покинуть гнилое местечко.

ГЛАВА 13

Домой я вернулся на такси. Поймал мотор в трехстах метрах от столкновения, чтобы не светиться. Конечно, полиция первым делом, не обнаружив на причале Столыпинского канала катер, который привез стрелка, начнет обзванивать и опрашивать таксистов. Найдет того, кто доставил киллера. Разыщут также водилу, который привез меня сюда, и пилота, что везет теперь домой. Полицейские мою личность хорошо знают. Им достаточно будет словесного описания любопытствующей старушки, выглянувшей из окна во время перестрелки, чтобы легко меня вычислить...

Темнота заполняла город с пугающей скоростью – словно кто-то пытался обернуть Петрополис черным одеялом. На каналах зажглись фонари, рассекая сгустившийся мрак.

Я чувствовал себя помятым: давно уже не попадал в такого сорта передраги. Тело ломило, оно молило о постели...

Ощувив под ногами гранит причала, я устало направился к дому. В голове роились мысли. Поднявшись на крыльцо, отпер входную дверь и вступил в темный холл. Не зажигая свет, проследовал на кухню, где на ощупь нашел холодильник и добыл из него две бутылочки «Туровского Темного». С ними поднялся к себе в кабинет и заперся.

Расположившись за письменным столом, я сбросил шляпу на диван и с наслаждением вкусил хмельную горечь. Включать свет в кабинете не стал – глаза мечтали о покое.

В дверь осторожно постучались... Не дают человеку жизни!

– Кто? – прорычал я, безумно недовольный нарушением моего уединения.

– Свой, Даг, – раздался голос Кубинца. – Ужин хоть и успел покрыться коркой льда, но ведь его всегда можно разогреть...

Только тут я почувствовал, насколько сильно проголодался. Выбрался из-за стола, схватил пиво и отправился на кухню.

Гонза приготовился к моему визиту: стол был накрыт, жареная свинина с приправами в вишневом соусе и картофельным гарниром – шипела. Я накинулся на мясо, как людоед, постившийся несколько лет не по своей воле.

– Куда ездил? – полюбопытствовал Кубинец.

– Проведал одного мужичка, – с набитым ртом ответил я.

– Насколько результативно? – выпытывал Гонза.

– Ага, – подтвердил я, дожевывая кусок, – убили его на моих глазах.

– Ты приносишь несчастья, Туровский. Все, кто с тобой встречается, неизменно погибают неестественной смертью! – заметил Кубинец, вооружаясь чистой вилкой. Он зажмурил один глаз и подцепил из моей тарелки кусочек мяса. – Самое печальное тут, что и клиенты не являются исключением. А это не есть хорошая реклама для нашего бизнеса!

Кубинец отправил ворованный кусок мяса в рот и энергично заработал челюстями.

– Слушай, если твоя теория правильна, то каким образом ты еще жив? Это же ненормально! – возмутился я. – Непорядок на вверенной территории! Надо срочно исправить ошибку. Предлагаю завтра. Сегодня так уж и быть – доживи.

– Ничего-то ты не понимаешь, господин сыщик, – криво усмехнулся Гонза. – У меня на тебя иммунитет выработался, противоядие в крови.

Я осушил бутылку пива до дна, отставил ее и открыл новую.

– Ну, давай, что называется, в подробностях! – потребовал Кубинец.

Я приступил к повествованию. Неспешно рассказал о своих идеях и подозрениях, о единственной крепкой ниточке, которая оказалась тоньше паутинки... Портье явно что-то знал, вот только сказать не успел по причине неожиданной кончины.

Кубинец меня внимательно выслушал, хмыкнул скептически, поднялся из-за стола, прогулялся до холодильника, извлек ледяную бутылку пива, открыл ее и присосался к горлышку, точно комар к младенцу. Опустошив половину бутылки, вернулся за стол и сообщил:

– Остается только одно: установить круг лиц, которые наиболее тесно общались с этой самой Городишек. От списка и плясать.

– Круг лиц – петропольская богема, ясен солод! – буркнул я, не видя жизни в идее Кубинца.

– Богема богемой, но нужны конкретные персонажи, с кем можно было бы работать, – возразил Гонза.

– Предлагаешь отправиться в библиотеку и перерыть подшивку «Ведомостей» за последний год, отмечая всех, кто упоминался с Городишек в разделе светской хроники? – предположил я.

– Можно и не ходить в библиотеку, а добыть материал через поисковые системы сети, – подсказал Гонза.

– Верно, – согласился я. Как сам только до этого не додумался?!

– Но мы поступим по-другому, – неожиданно заявил Кубинец, бросая взгляд на свои часы. – Сейчас уже поздно, а вот завтра...

Я тоже с любопытством взглянул на часы: стрелки показывали половину второго ночи.

– ...а вот завтра я сделаю пару звонков. И весь список интересующих нас лиц будет у тебя на столе! – пообещал Гонза.

– Кому звонить-то собрался?

– Есть полезные ребята, – неопределенно ответил Кубинец.

«Полезные ребята» Гонзы Кубинца часто оставались тайной за ста семью печатями. Он постоянно удивлял меня, а иногда напоминал спрута, чьи щупальца беспрепятственно проникают в любые сферы.

– Отлично. Утро вечера мудренее! – согласился я. – Тогда с утра пиво сварю...

Но пиво варить мне не довелось. Только первые солнечные лучи пробились в спальню, только я сполз с кровати и прошлепал в душ, как в мою комнату заглянул Ян Табачник и грозно заявил, видно, воображая себя мажордомом при императорском дворце:

– В кабинете вас ожидают!

– Кого нелегкая принесла в такую рань? – простонал я, ежась в потоках холодной воды.

– Инспектор Григорий Лесник! – прокаркал Ян и ретировался на кухню, решив, что попадаться мне под горячую руку все-таки верх легкомыслия.

Григорий Лесник – мое проклятие!.. Понятно, чего его принесло.

Приведя себя в порядок, я спустился в кабинет, где застал инспектора в окружении двух человек в штатском.

– И в чем моя вина, учитывая этакий эскорт? ехидно поинтересовался я.

– Вчера вечером убили Филиппа Шара! – с нажимом произнес Лесник.

– Обязательно закажу для этого господина венки, хоть и не имел чести быть знакомым с ним при жизни. Только сообщите мне предварительно о дате и времени похорон, – попросил я серьезно, падая в свое кресло.

– Бросьте паясничать, Туровский, – устало попросил Лесник. – Вас видели вчера на Стольпинском канале.

– Что, так и сказали: видели, мол, Дага Туровского, частного сыщика? – усомнился я, думая, что недурственно было бы выпить бокал пива.

– Зачем? Нам дали исчерпывающий словесный портрет, по которому вычислить вас труда не составило. Да и кто еще так назойливо крутится вокруг этого дела? Но если вы отрицаете все категорически, можно устроить встречу со свидетелем, произвести дознание и опознание на месте.

– К чему? – отступил я. – Верю в безграничные возможности нашей полиции!.. Итак, что вы хотите, господин инспектор?

Если бы он собирался меня посадить, то, несомненно, уже сделал бы это. Нет, скорее, Лесник пришел за информацией. Посмотрим, чем можно ему помочь.

– Зачем вы встречались с Шаром?

– Глупый вопрос, инспектор, – оценил я.

– Согласен. Можно обойтись и без прелюдий, – неожиданно легко сдался Лесник. – Что успел сказать вам Шар перед смертью?

– Ничего не успел, инспектор. Абсолютно. Огонь открыли раньше.

– Вам знаком убийца?

– В первый раз его видел, инспектор.

Лесник нахмурился... А что он надеялся от меня услышать? Фамилию, имя, отчество киллера плюс досье о его криминальном стаже, все связи и контакты, а также информацию о том, кто подослал его к Шару?

– Инспектор, я вам ответил честно. Можно вопрос?

– Давайте, Туровский. Устал инспектор, устал...

– Вы пробрили личность киллера?

– Ни в одной базе он не числится. Даже через паспортные столы попробовали...

– И? – Я напрягся, предвкушая нечто особенно интересное...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.